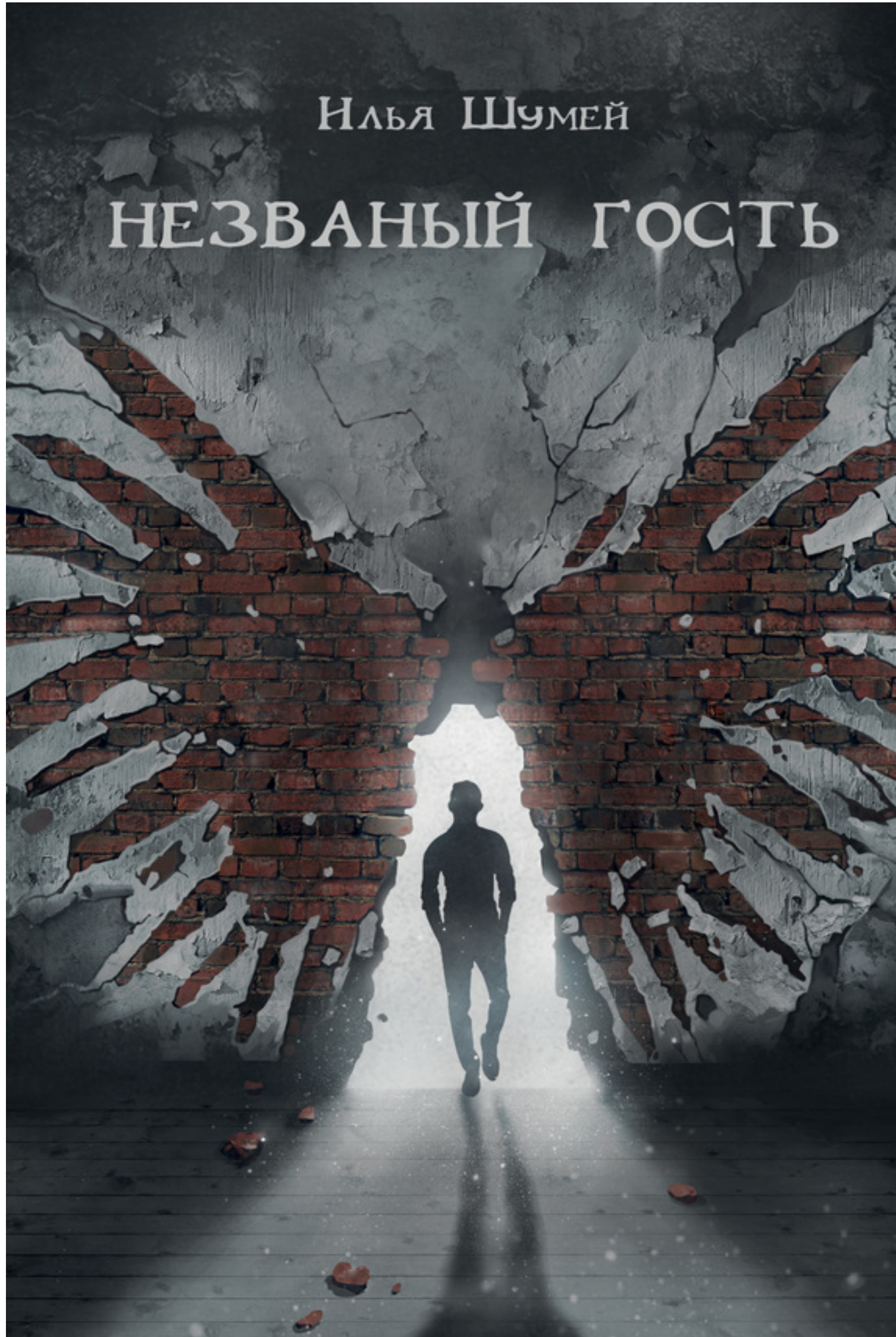

Илья Шумей

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Илья Шумей
Незванный гость (сборник)

«Accent Graphics communications»

2017

Шумей И. А.

Незванный гость (сборник) / И. А. Шумей — «Accent Graphics communications», 2017

ISBN 978-1-77192-373-6

Почему Удача откровенно благоволит к одним людям и обходит стороной других? Кто решает, сорвешь ли ты сегодня джек-пот или будешь в очередной раз соскребать с пола масло от упавшего бутерброда? Существует ли способ урвать от жизни чуть больше везения, чем положено тебе судьбой? Можно ли прокатиться с ветерком на колесе Фортуны за чужой счет? И какой штраф выпишет тебе суровый и неподкупный контролер, когда поймает за руку?

ISBN 978-1-77192-373-6

© Шумей И. А., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Незванный гость	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Илья Александрович Шумей

Незванный гость

Незванный гость

Красный сигнал светофора сменился зеленым, и Егорыч плавно тронул машину с места. Огромная груженная фура послушно, пусть и нехотя, поползла вперед, натужно урча и горестно вздыхая при каждом переключении трансмиссии. Ну да ничего, осталась еще пара перекрестков, а потом пойдет трасса, где можно зажать круиз и в ленивой полудреме катить до турникетов у Михнево, снисходительно игнорируя суetyающиеся вокруг легковушки, на фоне которых его трейлер смотрелся, словно кит в стае селедки. Степенный и неторопливый, но неотвратимый и безжалостный как злой рок или стихийное бедствие.

Впереди мелькнули рыжие огни уборочной машины, плетущейся черепахой вдоль обочины, и Егорыч, скользнув взглядом по зеркалам, дернул за поворотник и слегка качнул руль влево. В следующий же миг раздался пронзительный сигнал, слившийся с воем мотора, и мимо него кометой промчался красно-белый мотоцикл, едва успев втиснуться в быстро сужающийся просвет между фурой и другими машинами.

– Дебил! – чертыхнулся Егорыч, и тут же справа донесся глухой удар. Еще один байк, высекая из асфальта снопы искр и рассыпая вокруг обломки пластика, вылетел откуда-то из-под кабины, а следом за ним кувыркнулся и его незадачливый наездник.

– ...!!! ..., ... !!! – Егорыч ударил по тормозам, буквально спиной ощущая, как громыхают в кузове рушащиеся штабеля упаковок с офисной мебелью. Сегодня, судя по всему, ему понадобится весь наличный запас ненормативной лексики.

Когда он уже подходил к распростертому на дороге телу, его нагнал тяжело сопящий и отдувающийся водитель уборочной машины.

– Что же они так носятся-то!? – причитал тот, – прям, полоумные какие-то, честное слово!

– Весна. Сезон открыт, – Егорыч присел на корточки у неподвижно лежащего мотоциклиста и подсунил пальцы ему под воротник куртки, – хороший байкер – мертвый байкер, я так считаю... ан нет, пульс вроде есть.

Еще пара машин остановилась поблизости, мигая «аварийками» – люди подбегали к ним, желая выяснить, нужна ли помощь. Кто-то принес аптечку.

Услышав рокот подъехавшего мотоцикла, Егорыч вполголоса выругался и поднялся на ноги, предвкушая оживленную дискуссию.

– Ты что творишь, козлина!? – предчувствие его не обмануло, приятель потерпевшего, щеголявший в ярком красно-белом мотокомбинезоне, едва сдернув с головы шлем, сразу же пошел в атаку, – ты хоть по сторонам-то смотришь иногда!?

– Слышь, ты, Валентино Росси, если ты так справедливости жаждешь – вызывай гайцов и им жалуйся, – хмыкнул Егорыч, – да и мы послушаем. Да, кстати, твой коллега еще жив, если тебе это интересно, конечно.

Байкер явно имел еще много, что сказать, но, окинув взглядом собравшуюся хмурую аудиторию, что явно не питала особой симпатии к их двухколесной братии, развернулся и, достав из кармана телефон, начал набирать номер.

– Чудесно, – водитель уборочной машины рывком застегнул воротник куртки, – он же не полицию, он свою группу поддержки сюда пригонит.

– Не без этого, – со вздохом согласился Егорыч, – эй, кто-нибудь, вызовите, наконец, «скорую», а то этот Шумахер того и гляди концы отдаст.

– Тот, кто так носится, должен быть всегда готов к встрече либо с инспектором, либо с патологоанатомом, – философски резюмировал один из подошедших водителей, тыча пальцем в экран телефона, – причем, сегодня у него есть вполне реальный шанс встретиться с обоими. Интересно, кто из них приедет первым?

В конечном итоге вышло так, что все прибыли практически одновременно, устроив настоящее столпотворение. Инспекторам даже пришлось разводить по разным углам ринга мотоциклистов и других дальнобойщиков, чьи фуры остановились неподалеку, уже готовых пустить в ход кулаки и подручные предметы, а также оттеснять и тех и других от раненого, чтобы дать возможность работать врачам. До их приезда пострадавший только пару раз пошевелился, но в сознание так и не пришел, а судя по скупым репликам медиков, дело могло обстоять весьма серьезно.

Один из санитаров распахнул задние двери машины, собираясь достать носилки, когда лежавший то того неподвижно мотоциклист вдруг дернулся и захрипел, а потом резко обмяк.

– Что это с ним? – обеспокоенная публика подалась вперед.

Медсестра схватила парня за запястье, замерев на несколько долгих секунд.

– Пульса нет! – ее слова словно плетью ударили по толпе, заставив людей дружно охнуть.

– Массаж будем делать? – санитар отпустил носилки и вернулся к напарнице.

– Вот уж неудачная идея! – та скептически помотала головой, – он, небось, себе все ребра переломал, мы только легкие ему порвем!

– И что теперь?

– Надо его осмотреть, а там решим... да не стой же ты как истукан! Дефибриллятор тащи! И грушу! – медсестра взмахом руки подозвала к себе полицейского, – помогите мне с него шлем снять. Только осторожно, быть может там внутри – яйцо всмятку. Вон, аж пластик треснул...

Вдвоем они медленно и аккуратно стянули разбитый шлем с головы бедолаги, явив на свет пепельно-серое юношеское лицо, разукрашенное уже засохшими потеками крови на щеках. Затем женщина расстегнула его комбинезон и, выкопав из своего чемоданчика нож, распорол темную водолазку. К этому моменту подоспел и санитар с кофром в одной руке и с большой пластиковой грушей для искусственной вентиляции легких – в другой.

– Надевай ему маску, – медсестра быстро ощупала грудь пострадавшего, – опасных переломов вроде нет. Ладно, я пока начну массаж, а ты готовь разрядник.

Она хрустнула пальцами и склонилась над распростертым телом. Крупная и массивная, нависая над шуплым мотоциклистом, женщина выглядела как лев, приготовившийся сожрать ягненка.

– Один, два, три, четыре, – она кивнула присевшему рядом с ней полицейскому, – вдох! Быстро сообразив, что от него требуется, тот сдавил соединенную с маской грушу.

– Отлично! Один, два, три, четыре, вдох... ты скоро там? – обернулась она к своему санитару.

– Да, уже почти готово, – парень выдавил на электроды немного геля из тюбика и потер их друг об друга, – вот, держи утюжки.

– Хорошо, сначала минимальный уровень. Все отошли! – убедившись, что окружающие отступили от тела на пару шагов, она приложила электроды к груди несчастного, – разряд!

Тощая грудь на миг вздыбилась дугой и снова рухнула на асфальт. Сестра вернула электроды своему ассистенту и взяла парня за запястье. Несколько секунд никто не дышал.

– Глухо, – бесстрастно констатировала женщина и кивнула санитару, – увеличь заряд. Качаем дальше.

Ее мощные руки снова легли на грудину пострадавшего...

Но сколько бы она ни отсчитывала кажущиеся нескончаемыми «один, два, три, четыре», сколько бы инспектор ни сжимал дыхательный мешок, сколько бы ни свистел, заряжаясь, дефибрилятор, чтобы выстрелить тысячи вольт в заглухший «мотор» разбившегося мотоциклиста – все было тщетно. Раз за разом, нащупывая сонную артерию, медсестра отрицательно качала головой, и все повторялось по новой, хотя, пожалуй, уже никто из окружавших их людей не надеялся на чудо.

– Все, – она отбросила со лба прилипшую прядь волос, – фиксируй время.

– Как это, «все»? – взвился красно-белый приятель пострадавшего, подскочив ближе и грозно нависнув над женщиной, сжимая кулаки, – качайте еще!

– Бесполезно, мы уже минут десять тут кувыркаемся, и все без толку, – сестра покачала головой и повторила, – бесполезно.

– Знаете что, если вы Андрюху сейчас же не вытащите, то я вас самих следом за ним отправлю!

Парень расстегнул куртку и, сунув руку за пазуху, выхватил пистолет и наставил его на врача.

– Эй, эй! Полегче на поворотах! – инспектор в желтой жилетке вскочил на ноги и вклинился между ними, – давай-ка без глупых шуток!

– А я не шучу! – мотоциклист попытался обойти полицейского, но тот снова решительно преградил ему путь, – они давали клятву этого... Гипокри... Гиппократы и обязаны сделать все возможное для спасения жизни!

– Мы и сделали, – буркнул санитар, который так и сидел с двумя электродами дефибрилятора в руках.

– Заткнись и работай!

– Хватит уже! И убери ствол от греха подальше, – полицейский обернулся к медсестре, – и правда, попробуйте еще разок, последний.

– Как скажете, – медсестра пожала плечами и взяла утюжки из рук напарника, – но вы хоть отойдите немного... заряд на максимум.

Она прижала электроды к уже блестящей от геля безжизненной груди, санитар немного раздраженным движением вдавил кнопку...

Все, кто стоял поблизости, дружно подпрыгнули от мощного импульса, словно вонзившегося людям в ноги и, пройдя через позвоночник, ударившего в мозг. Мерно урчавший двигатель стоявшего рядом грузовика вдруг закашлялся и заглух, так же, как и двигатель проезжавшего мимо автобуса, пассажиры которого по инерции повалились друг на друга.

– Что за... – в наступившей тишине медсестра с электродами в руках повернулась к коллеге, который и сам обалдел ничуть не меньше и только изумленно хлопал глазами, – ты что там накрутил!?

– Я... я... – он никак не мог справиться с отвалившейся челюстью, – как Вы и велели, заряд на максимум, ничего более.

– Ладно, держи, – женщина буквально бросила ему электроды и прижала пальцы к шее пострадавшего, – пульс! Есть пульс!

– Слава Богу! – облегченно выдохнул инспектор вместе с остальной толпой.

– Пока еще рано радоваться, – медсестра схватилась за грушу и энергично ее сдавила, – тащите носилки! Его теперь срочно в реанимацию надо!

Погруженная в собственные мысли, Марина поднялась по последнему лестничному пролету и вышла в коридор, где резко остановилась. Пухлый и тяжелый пакет с упаковками влажных салфеток, пеленок и одноразовых подгузников нагнал ее и ощутимо ударил сзади по ноге.

Впереди слышались знакомые голоса, хотя нельзя сказать, что Марина сильно им обрадовалась. Рядом со стойкой дежурной сестры стояли два человека и что-то оживленно обсу-

дали. Она узнала в них тетю Андрея и его двоюродного брата. Жгучего желания лишней раз с ними пересекаться Марина не испытывала, у Андрея с родней отношения откровенно не ладились, да и ей самой не раз от них перепало, но не стоять же вот так в дверях. Можно, конечно, вернуться вниз и подождать в холле, пока родственнички не отбудут восвояси, однако оставался невыясненным вопрос, зачем они сюда заявились, да еще столь представительной компанией? До сего дня Марина ни разу никого из них в больничных коридорах не встречала, с чего вдруг такой ажиотаж?

В дальнем конце коридора показалась рослая фигура Олега Матвеевича, лечащего врача, и девушка приняла решение. Заслышав шуршание ее бахил, делегация обернулась, и по их лицам без труда читалось, как искренне они рады ее видеть. Желательно на кладбище.

Обменявшись сухими дежурными приветствиями, все обернулись к подошедшему врачу. По-видимому, он и пригласил сюда тетку с остальными, а про Марину почему-то «забыл». Ну да ладно, сейчас это не главное.

– Чтобы, как говорится, не растекаться мыслью по древу, буду краток, – начал Олег Матвеевич, – у меня для вас есть две новости. Как водится, одна хорошая, а другая – не очень.

Сегодня Андрей пришел в сознание. Он вполне адекватно реагирует на внешние раздражители, устанавливает уверенный зрительный контакт, даже пытается двигаться. Так что, думаю, завтра мы переведем его в обычную палату.

То есть самого негативного сценария нам удалось избежать, но, тем не менее, от чересчур оптимистичных прогнозов я также воздержусь.

Произошедшая после аварии остановка сердца, продолжавшаяся несколько минут, плюс сопутствующая ЧМТ, не могли не вызвать изменений в головном мозге. Вопрос лишь в том, насколько они серьезны.

Как я уже сказал, самые худшие опасения не сбылись – Андрей вышел из комы, все базовые реакции у него вроде бы в норме, и его состояние еще будет улучшаться. Но вот предсказать, насколько полным будет восстановление, я не могу. Так же, как и вы, я надеюсь на лучшее, но практика показывает, что подобные травмы не проходят без последствий.

Мы не можем держать его в больнице бесконечно. Рано или поздно, но нам придется Андрея выписать, однако он еще в течение довольно длительного времени не сможет сам себя обслуживать, и ему потребуется чья-то помощь. Либо кто-то из родных, либо сиделка должен постоянно находиться рядом с ним, чтобы кормить, поить, ну и все остальное... Причем нет никакой гарантии, что в дальнейшем ситуация нормализуется. Если через месяц не будет значимых улучшений, то, скорей всего, в таком состоянии Андрей останется навсегда.

– Что Вы предлагаете? – тетка выдержала приличествующую моменту драматическую паузу, но вот в ее голосе особого трагизма не ощущалось.

– Если у вас нет возможности обеспечить больному должный уход на дому, – по-видимому, Олег Матвеевич ранее уже обсудил с ней данный вопрос по телефону, – я бы посоветовал рассмотреть вариант с помещением Андрея в хоспис. Во многих случаях это оказывается самым разумным выходом.

– Хоспис? – у Марины создалось такое впечатление, будто из-под нее кто-то выдернул стул, – по-вашему, Андрей совсем безнадежен?

– На данном этапе я ничего не могу утверждать с уверенностью, – врач развел руками, – надежда остается всегда, но и к наихудшему варианту также следует готовиться. В общем, тут лучше перестраховаться...

– Мы можем к нему заглянуть?

– Разве что ненадолго, – Олег Матвеевич отступил в сторону, приглашая следовать за собой, – но только не ждите от предстоящего свидания слишком уж многого.

Андрей лежал в той же палате, где Марина видела его в прошлый раз. Но тогда ей разрешили только взглянуть на него через стекло, а сейчас позволили зайти внутрь. Часть непонятных медицинских приборов, в помощи которых пациент более не нуждался, теперь отодвинули к стене, да и число проводов и трубок, опутывавших его тело, явно поубавилось.

Глаза его оставались закрыты, но когда Олег Матвеевич подошел к койке и щелкнул пальцами около уха Андрея, тот шевельнулся и медленно поднял веки, уставившись в потолок.

– Видите, он нормально реагирует, может фокусировать зрение, – он провел рукой перед глазами пациента, и Андрей, словно очнувшись от протрации, перевел взгляд на него, – эй, мужик! К тебе гости пришли!

Врач отступил назад, дав возможность посетителям приблизиться к койке. Андрей чуть повернул голову, чтобы видеть вновь прибывших, но это осталось его единственной реакцией. Ни один мускул не шевельнулся на лице парня, давая понять, что он их узнал.

– Пока он еще немного заторможенный, – пояснил из-за их спин Олег Матвеевич, – но мы его еще расшевелим. Верно, мужик? Поскольку все физиологические реакции в норме, то можно попробовать перевести его на обычное питание. Если все пойдет нормально, и его состояние уверенно стабилизируется, то будем решать вопрос с выпиской. А дальше решать вам. Ему, разумеется, понадобится целый комплекс реабилитационных процедур, ежедневный массаж, да и над сломанной ногой еще поколдовать надо бы... В общем, вы сами решите, как лучше все это организовать – на дому или в учреждении соответствующем. Тут я не вправе что-либо советовать.

– Я о нем позабочусь, – негромко произнесла Марина, неотрывно глядя на лишенное выражения лицо Андрея.

– Ну, торопиться не надо, – Олег Матвеевич положил ей руку на плечо, – недели две он еще у нас побудет это как минимум, надо последить за динамикой, а там уж и видно будет. В общем, я вас тут пока оставляю, пообщайтесь с ним, а я в коридоре подожду.

Не успел он притворить за собой дверь, как Андреева тетка придвинулась к Марине и буквально зашипела ей в ухо:

– Ты еще за него замуж выйди, шлюшка! Вот прямо так, на каталке – и под венец!

– Мам, прекрати! – сын дернул мать за рукав, скорее из приличия, нежели всерьез желая ее осадить.

– Вот еще! – она не обратила на его робкие возражения ни малейшего внимания, – она же спит и видит, как его квартирку к рукам прибрать! А тут такая удачная возможность подвернулась!

– Мам!!!

После подобных откровений Марине, наверное, следовало обидеться и даже оскорбиться, но сказанные теткой слова прошли сквозь ее мозг, не оставив на его поверхности даже легкой ряби. Та гора проблем и хлопот, что обрушилась в последние недели на девушку, оказалась столь огромна, что с ее вершины эти возмутительные выводы казались ничего не значащим пустяком. Мысль о том, чтобы решить свой квартирный вопрос за счет Андрея, никогда доселе не приходила Марине в голову, и даже сейчас, когда ей буквально насильно эту идею всучили, она попросту отскочила от ее сознания, как мячик от бетонной стенки – настолько нелепой она казалась.

– И Вам всех благ, тетя Надя, – пробормотала девушка отстраненно.

Тетка открыла рот, чтобы еще что-нибудь сказать, но, будучи готовой к сопротивлению, и неожиданно его не встретив, она растерялась и только буркнула что-то неразборчивое.

– Пошли отсюда, – она подтолкнула своего сына к двери, – все равно от нас тут никакого толку.

Парочка удалилась в коридор, а Марина осталась стоять подле койки, глядя на спокойное и равнодушное лицо Андрея. Андрей, в свою очередь, смотрел на нее, но девушка не была

уверена, что он делает это осознанно. Она боялась пошевелиться, поскольку подозревала, что если шагнет в сторону, его невидящий взгляд так и останется направленным в ту точку, где она стояла только что. А так можно фантазировать, будто он тебя видит и даже узнает...

Стоять так бесконечно, однако, невозможно, еще немного – и она расплчется прямо здесь. Марине совершенно не хотелось показываться перед Андреевой теткой с красными от слез глазами, а потому она, вздохнув, поставила на пол рядом с тумбочкой упаковку подгузников, и развернулась, собираясь уходить, но вдруг почувствовала прикосновение к своей руке.

Девушка застыла как вкопанная, никак не решаясь оглянуться. Медленно-медленно она повернула голову и посмотрела на Андрея.

Он смотрел на нее, и его подрагивающие пальцы цеплялись за Маринин мизинец. Губы Андрея шевельнулись.

– М... Мар... ри... – свисающая из угла рта трубка превращала все звуки в сиплое шипение.

– Олег Матвеевич! – из стиснутого волнением горла пробился лишь едва слышный шепот. Девушка закашлялась и крикнула уже громче, – Олег Матвеевич! Скорей сюда!

Подбежавший врач остановился в дверях, удивленно вскинул брови. Андрей повернул голову и взглянул на него.

– Ма... риш... ка, – прошептал он, продолжая держать девушку за палец, и попытался улыбнуться.

– Ну надо же! – Олег Матвеевич скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку, словно любясь открывшейся его взору картиной, – чудеса все-таки случаются!

Впрочем, выглядывавшая из-за его плеча кислая физиономия Андреевой тетки ясно давала понять, что данному обстоятельству рады далеко не все.

Последующие дни и недели были наполнены хлопотами, которые, однако, Марину нисколько не тяготили. Скорее наоборот. После того, как Андрея перевели в обычную палату, она навещала его каждый день, а по выходным и вовсе просиживала рядом с его койкой с утра до вечера, умащая дежурных сестер шоколадками и коробками конфет.

За окном торжествовала весна, и точно так же, как пробуждались к новой жизни деревья в больничном дворе, постепенно оживал и парень. Словно маленький ребенок, он заново учился говорить, управляться с еще слабыми и непослушными конечностями, самостоятельно пить и есть, не расплескивая большую часть обеда по подстеленному полотенцу. Вместе с Мариной его успехам радовались и медсестры и другие пациенты, а когда Андрей впервые встал на ноги, собравшиеся зрители встретили это событие бурными аплодисментами.

Еще спустя пару недель Андрея выписали из больницы. Хотя он уже вполне сносно ковылял на костылях и самостоятельно добирался до туалета и обратно, все равно до полного восстановления сил оставалось еще далеко, и каждый такой поход требовал потом не менее часа сна. А посему Марина привлекла на помощь своего отца, и вдвоем они благополучно переправили незадачливого горе-гонщика домой.

Предварительно девушка провела в квартире генеральную уборку, поскольку знакомые застращали ее рассказами об уязвимости лежачих больных перед всяческими инфекциями, запаслась продуктами и даже приготовила импровизированный праздничный обед в честь благополучного возвращения в родную гавань. Попутно она перевезла сюда свои рабочие материалы и ноутбук, чтобы иметь возможность присматривать за Андреем «без отрыва от производства». Поскольку самое страшное осталось позади, все остальные трудности представлялись теперь мелкими бытовыми неудобствами, и Марина была к ним готова.

Андрей уверенно шел на поправку. По крайней мере, во всем, что касалось его физического здоровья, он демонстрировал впечатляющий прогресс, и на сей счет Марина никакого беспокойства уже не испытывала. Но вот его психическое состояние...

Девушка хорошо помнила, что врач говорил ей о людях, получивших повреждение мозга, но сонливость и заторможенность, отмечавшиеся у Андрея в первые недели вскоре сошли на нет, однако остались другие странности, тревожившие Марину ничуть не меньше, и которые чисто физиологическими причинами объяснить не удавалось.

Тот озорной и веселый проказник, которым Андрей был раньше, остался где-то в прошлом, уступив место замкнувшемуся в себе меланхолику. Он то и дело застывал, глядя в одну точку, и если его не трогать, мог неподвижно сидеть так часами. Из-за наголо обритой головы, только-только покрывшейся коротким ежиком русых волос, в такие моменты он становился похож на ушедшего в медитацию буддийского монаха. Лишь иногда он зажмурился и усиленно морщил лоб, кусал кубы, словно безуспешно силясь что-то вспомнить.

Ко всему, что происходило вокруг него, он относился с удивительным равнодушием, позабыв о всех своих прежних увлечениях, друзьях и знакомых. В то же время, начисто утратив интерес к любимым сериалам, Андрей неожиданно увлекся просмотром новостей и всматривался в репортажи с таким напряженным вниманием, что вены вздувались на его висках. Он не делал различий между политикой, экономикой и светской хроникой, глотая все подряд. От некоторых выпусков он приходил в чрезвычайное возбуждение, но при первой же попытке поинтересоваться, что именно привлекло его внимание, немедленно умолкал и снова уходил в себя.

И хотя Марина крайне скептически относилась к разного рода мистике и рассказам о загробном мире, всем этим историям про свет в конце тоннеля и прочей подобной белиберде, она не могла не признать, что после аварии Андрей здорово *изменился*.

Движимая вполне естественным интересом, она все же пересилила себя и попробовала изучить всю доступную информацию о людях, переживших клиническую смерть, что смогла найти в сети. Как и ожидалось, большинство материалов представляло собой первосортную чушь, способную впечатлить лишь какую-нибудь безмозглую курицу. Но и те крохи, что походили на правду, все равно не давали ответа на вопрос, что происходит с Андреем, и как ему можно помочь.

Марина сочла, что наилучшим способом растормошить Андрея, выдернуть его из простратии могла бы стать смена обстановки, но, пока он ковылял на костылях, эту мысль пришлось временно отложить и действовать в рамках возможного. Главное – отвлечь пациента от навязчивых мыслей, циркулирующих по замкнутому кругу внутри его головы.

Девушка пустила в ход все – музыку, книги, фильмы, общение со старыми друзьями в соцсетях, прогулки в ближайшем парке, но сколь либо заметного успеха так и не добились. Да, Андрей соглашался посмотреть вместе с ней новый фильм, но по ходу просмотра Марина замечала, что он вообще не следит за тем, что происходит на экране, а после зачастую не мог вспомнить ни единого сюжетного поворота. Да, он не отказывался ознакомиться со свежими постами друзей в сети, но вся информация проходила словно сквозь него, не вызывая абсолютно никакой реакции.

Даже когда она забиралась к Андрею под одеяло и прижималась к нему, более чем откровенно намекая на свои желания, он никак на это не реагировал. Никак! Как будто она не юная дева из плоти и крови, а еще один диванный валик. Будто и не было предыдущих двух лет...

Нет-нет, он не проявлял каких-то признаков слабоумия! В те моменты, когда его внимание удавалось сфокусировать, Андрей рассуждал абсолютно разумно и здраво, вот только моменты эти оставались слишком уж короткими. Он словно ненадолго выныривал на поверхность, а после снова погружался в пучину своей замкнутости и отрешенности.

Выпуски новостей оставались единственным, что хоть как-то его увлекало, но эти непродолжительные периоды оживления больше напоминали гальванизацию трупа, нежели нормальную реакцию здорового человека.

Тем не менее, Марина не оставляла попыток расшевелить Андрея, но тот энтузиазм, что поначалу горел в ней ярким огнем, тлел все слабей и слабей.

Все резко изменилось в один из дней, который поначалу вроде бы не предвещал ничего необычного. После завтрака Марина уехала по делам, потом еще пробежалась по магазинам, а когда вернулась, застала парня в уже привычном полусне с открытыми, но ничего не видящими глазами.

На скорую руку приготовив обед, девушка отнесла порцию Андрею в комнату, потом налила супа в тарелку себе и села за стол в планшетом в руке, чтобы поискать какие-нибудь интересные, способные отвлечь ее подопечного. В своих поисках она не брезговала ничем, вплоть до сайтов с анекдотами и светскими сплетнями. Раньше Андрей часами просиживал на тематических форумах, посвященных мотоциклам и мотоспорту, но после аварии утратил интерес к этой теме... да и вообще ко всему. Его разбитая «Хонда» медленно ржавела, забытая в гараже.

Тем не менее, увидев свежую новость от Дениса, с которым Андрея связывали давняя дружба и любовь к стальным коням, Марина сочла, что она стоит того, чтобы ознакомить с ней своего инвалида.

– Видел? Везунчик новый байк купил, – она поставила планшет со свежей фотографией прямо перед носом Андрея.

Вообще-то Марина испытывала определенные сомнения в правильности своего поступка. Вряд ли ковыляющего на костылях человека воодушевит известие о том, что его более удачливый приятель обзавелся новенькой «Ямахой». Очень немногие способны искренне радоваться чужому успеху. Но поскольку она уже начинала впадать в отчаяние, то решила использовать даже такую возможность, чтобы попытаться хоть как-то растормошить Андрея.

Ее опасения, однако оказались напрасны. Рука с ложкой на секунду застыла, пока он фокусировал взгляд на экране, а потом возобновила свое размеренное движение. Никаких комментариев так и не последовало. Марина уже начинала подумывать, а не огреть ли парня планшетом для большей доходчивости, как вдруг заметила, что тот замер и, зажмурив глаза, снова прислушивался к каким-то голосам в своей голове. По его лицу пробежала напряженная рябь, и время от времени оно искажалось в почти страдальческой гримасе.

– Андрюша, что с тобой? – обеспокоенная Марина тронула его за плечо, отчего парень вздрогнул и открыл глаза.

Несколько секунд Андрей смотрел прямо перед собой, а потом повернулся к девушке.

– Давай прогуляемся.

– Что? – предложение было столь неожиданным, что Марина даже растерялась, – да, конечно, хорошо... в парк, да?

– На Воробьевы Горы, – Андрей встал из-за стола, прозрачно намекая, что намерен отправиться туда немедленно, но, увидев в глазах девушки застывший немой вопрос, остановился и пояснил, – Везунчик наверняка захочет свою обновку опробовать.

И только позже, вырывая со двора за рулем старенькой «Фабии», Марина осознала, насколько нелепой и абсурдной, должно быть, выглядит их затея со стороны. Ничуть не лучше, чем всерьез рассчитывать на выигрыш в лотерею, купив по случаю единственный билет. С чего они взяли, что Денис решит сегодня обкатать свой новый мотоцикл? Почему именно на Воробьевых Горах и именно сейчас? Андрей, трясущийся теперь на заднем сиденье в обнимку с костылями, ясно дал понять, что следует поторопиться, иначе можно и опоздать. А Марина была настолько удивлена и обрадована его внезапным предложением, что и вопросов никаких задавать не стала.

До сегодняшнего дня он какой-либо инициативы не проявлял ни разу! Да и все ее предложения воспринимал с послушной покорностью, не выказывая ни одобрения, ни недовольства, ничего. «Угу» – и побрел одеваться. Так что от его неожиданного предложения Марина сперва малость ошалела, а теперь давать задний ход было уже поздно. Ну да ладно, прогулка им в любом случае не повредит.

Краем глаза она время от времени посматривала в зеркало на своего пассажира, но всякий раз видела одну и ту же картину – застывший, точно каменное изваяние Абу-Симбела, Андрей, чей взгляд так и оставался устремлен куда-то за горизонт. Вполне возможно, по прибытии на место, он даже не вспомнит, зачем они сюда явились. Решит, что это очередной медосмотр или сеанс восстанавливающего массажа. Марина вздохнула, прикидывая, где лучше оставить машину, как вдруг сзади донеслось:

– Здесь направо!

От неожиданности девушка даже вздрогнула, но, тем не менее, послушно повернула руль. Ну надо же! Буквально секунду назад он плавал в забытьи, и вот уже распоряжается!

– Все. Тут припаркуйся.

– Хорошо, – Марина послушно выполнила и эту инструкцию.

Заинтригованная, она желала посмотреть, что же будет дальше.

Особенно, если Денис так и не объявится.

Пока Марина надевала плащ, Андрей успел самостоятельно выкарабкаться из машины и теперь подпрыгивал рядом с ней на костылях, демонстрируя явное нетерпение. Чудеса продолжались. Раньше, когда они приезжали в поликлинику, его приходилось буквально будить и чуть ли не на себе выволакивать из салона.

– Ну, куда пойдём?

– Туда, – развернувшись на месте, Андрей бодро зашагал вдоль аллеи.

Чуть замешкавшись, Марина нагнала его и пошла рядом, чувствуя, как ее охватывает странное возбуждение. Она украдкой рассматривала своего спутника, пытаясь усмотреть на его лице, в его движениях какие-то изменения, тревожащие или, напротив, обнадеживающие симптомы, отражающие ту странную перемену, что с ним произошла. После нескольких недель полуовощного существования ни с того ни с сего вдруг резко сорваться с места и куда-то помчаться – для столь резкого поворота должны иметься столь же веские причины.

Но ничего необычного в облике Андрея усмотреть так и не удалось. Его лицо по-прежнему оставалось лишенным какого-либо выражения, и невидящий взгляд все так же бы устремлен в никуда. Только костыли продолжали ритмично стучать по асфальту, и у их движения чувствовалась некая вполне определенная цель.

Спустя пару минут Марина решила попробовать с ним заговорить.

– Куда мы идем?

– Повидаться с Везунчиком, – Андрей даже не повернул головы.

– Но с чего ты взял, что мы его здесь встретим?

– Ты же видела его пост – он выложил фотографию сегодня утром и написал, что ему не терпится опробовать свою малышку. А он не тот человек, чтобы откладывать такое веселье.

Это была самая длинная фраза, произнесенная Андреем с момента выхода из больницы!

– Да, но почему именно здесь? В разгар рабочего дня!

– Везунчик любит покрасоваться, и тут у него не будет недостатка в благодарных зрителях.

– Ага, и в ДПС-никах тоже. Особо не погоняешь!

– Ты можешь вспомнить хоть один случай, чтобы у него случались проблемы с полицией? – Андрей впервые за всю беседу посмотрел на девушку.

– М-м-м, нет.

– Еще бы! Он же Везунчик.

Марина умолкла, переваривая сказанное. Странно, все аргументы Андрея по отдельности звучали логично и убедительно, но вся конструкция в целом по-прежнему выглядела как законченный бред. Нельзя же, в самом деле, опираясь исключительно на зыбкие умозаключения, ткнуть пальцем в точку на карте и заявить, что некий человек будет здесь сегодня вечером. Это попросту нелепо! Быть может, Олег Матвеевич не так уж и сильно ошибался, когда говорил о необратимых повреждениях мозга?

– И, все-таки, я не понимаю... – девушка раздосадовано поддела ногой валявшуюся на дороге пивную пробку, которая звонко запрыгала по асфальту.

– Я знаю, – Андрей перехватил костыли поудобней и застучал ими дальше, – и не поймешь.

Марина поплелась следом, совершенно сбита с толку и гадающая, не придется ли ей вызывать санитаров, если ее подопечный продолжит так чудить.

Пройдя еще сотню метров, Андрей остановился. Подошедшая Марина застала его в уже привычном состоянии – зажмуренные глаза, наморщенный лоб и полное выпадение из окружающей реальности.

– Андрюш, тебе нехорошо? – она тронула его за локоть, – может, домой поедем?

– Нет, все нормально, – парень встрепенулся и, подойдя к ближайшему дереву, прислонился к нему и осторожно опустил на землю поврежденную ногу, – подождем здесь.

Озадаченная, Марина встала подле него. Она чувствовала себя удивительно глупо. А что, если они без толку простоят так до темноты? Какими словами ей уговаривать тогда Андрея вернуться домой? А если он упрется? Что тогда?

Мимо пролетали машины, студенты спешили по своим делам, и только их странная пара одиноко стояла на газоне, всматриваясь в дальний конец улицы. Даже ожидание алых парусов Ассолью и то представлялось более осмысленным.

– Долго еще ждать-то? – не вытерпела Марина после нескольких минут молчания.

– Уже нет, – Андрей, казалось, даже не моргал.

– Но почему ты так уверен, что...

Девушка резко умолкла, поскольку ее слух уловил приближающийся взлетающий и прерывающийся вой разгоняющегося мотоцикла. Так бесшабашно гонять среди сбивающихся в вечернюю пробку автомобилей мог только один человек.

У Марины нещадно засосало под ложечкой, а вся спина вмиг покрылась мурашками. То, что происходило, было... *неправильно*.

Денис выжимал из байка все, на что тот был способен. Он ввинчивался в узкие промежутки между машинами, едва не сшибая им зеркала, взметал в воздух облачка пыли, чиркая по бордюрам, и считанные миллиметры, порой, отделяли его от кажущейся неизбежной катастрофы. Но, вопреки всем законам везения и физики, он раз за разом проскальзывал по исчезающе тонкой грани и снова до предела выкручивал газ.

То не было похвальбой или желанием покрасоваться, нет. Везунчик так жил – всегда на волоске, всегда на краю. По-другому он просто не умел. И если для других людей риск – лишь терпкая приправа, скрашивающая пресные будни, то для него он заменял сам воздух, без которого невозможна сама жизнь.

Проскочив через перекресток, он вырвался на небольшой свободный участок дороги, и мотор снова взвыл на предельных оборотах. Его по обыкновению алый стальной жеребец словно огласил окрестности громким ржанием и взвился на дыбы, ракетой устремившись вперед...

...И в следующий миг маленький, еще пахнувший пивом жестяной кругляш угодил ему прямо под заднее колесо, на долю секунды разорвав тесную, почти любовную связь между горячей резиной и асфальтом.

Байк коротко дернулся, завилел из стороны в сторону и, взбрыкнув, сбросил своего наездника, а потом полетел кувырком. Во все стороны брызнул фейерверк искр и осколков пластика, а следом катился Денис, нелепо размахивая руками, точно тряпичная кукла.

– О, Господи! – выдохнула Марина.

– Осторожно! – Андрей толкнул ее в бок, и она едва успела заметить, как изрядный кусок красного обтекателя просвистел над самым ее ухом, срезав шмат коры с дерева за спиной.

Несколько казавшихся бесконечными секунд, и все закончилось, остановилось, затихло. Какая-то катающаяся по дороге звенящая железка только оттеняла наступившую тишину, оглушавшую после недавнего воя и грохота.

– Денис! – опомнившись, девушка бросилась к распростертому у обочины телу.

Рядом останавливались машины, люди спешили на помощь. Кто-то уже притащил аптечку, кто-то вызывал спасателей, и только Андрей так и стоял неподвижно под деревом, опершись на костыли и не отрывая взгляда от неподвижного Везунчика.

Мотоциклист пошевелился и тут же закашлялся, забрызгав кровью стекло шлема. Марина откинула ему забрало и вместе с другими осторожно перекатила раненого на спину, почувствовав, как по ее пальцам скользнули теплые струйки. Руки Дениса при этом безвольно болтались совершенно независимо от тела, которое неестественно выгибалось в некоторых местах. Судя по всему, он получил множественные переломы.

– Денис! Денис! – не имея никаких медицинских познаний, она могла только молиться и продолжать звать его, надеясь, что тем самым поможет несчастному удержаться в сознании, – Денис, ты меня слышишь? Держись! Все будет хорошо! Ну где же «скорая»!?

Вдалеке истошно надрывалась сирена, безнадежно застряв в образовавшейся пробке.

Везунчик приоткрыл глаза, но вряд ли он что-либо видел. Его дыхание, частое и неглубокое, все больше превращалось в сиплый прерывистый хрип, постепенно становящийся все тише и тише.

– Денис, не уходи, держись! – слезы катились у Марины по щекам от понимания того, каким будет исход. От осознания неизбежного.

Везунчик всхлипнул в последний раз и затих.

– Нет-нет-нет-не-е-е-ет! Не уходи-и-и-и! – Марина зарыдала в голос.

Жуткий, вымораживающий душу холод окатил внезапно все ее тело. У девушки даже перехватило дыхание, и она хотела поплотнее запахнуть плащ, но увидела, что все ее руки перепачканы в крови. Это зрелище буквально оглушило ее, и она не обратила внимания, что все стоявшие поблизости также зябко поеживаются и поднимают воротники, желая защититься от пронизывающей стужи, хотя никакого ветра не наблюдалось и в помине.

Марина поднялась на ноги, медленно и неуверенно. Ее шатало из стороны в сторону. Внутри она ощущала какую-то жуткую пустоту, лишённую чувств, эмоций и переживаний. Разум, защищаясь от обрушившегося на него стресса, обрубил все линии связи с внешним миром и катапультировался, оставив в голове одну-единственную заботу – вытереть окровавленные ладони.

В сумке должны быть салфетки... в сумке... но где же она? Наверное, бросила, когда побежала на помощь Денису. Оставила под деревом, там же, где остался и Андрей.

Марина обернулась и увидела, что ее спутник и сам валяется на земле. То ли он пытался подойти и споткнулся, то ли ему внезапно стало плохо, но самостоятельно подняться у него никак не получалось. Некоторое время она тупо смотрела на парня, протягивающего к ней руку, и никак не могла сообразить, что происходит. Мучительно медленно ее сознание все же смогло пробиться назад в реальность, гомон толпы, сигналы машин и прочие звуки улицы снова хлынули в уши.

– Маришка! Маришка! – неизвестно, как долго Андрей окликал ее, призывая на помощь.

– Андрюшка, что с тобой!? – она подбежала к нему и хотела помочь подняться, но вовремя спохватилась, – я сейчас, я мигом, подожди! Только руки вытру.

Кое-как обтерев салфетками кровь с пальцев, Марина закинула руку Андрея себе на плечи и осторожно поставила парня обратно на ноги, прислонив к дереву.

– Что случилось? – она подняла оброненные костыли и подала ему, – тебе нехорошо?

– Ничего, все нормально, – Андрей немного потоптался на месте, приходя в себя, – поехали отсюда.

– Но... – девушка аж опешила, – но мы не можем! Там же... там Денис...

Она запнулась, и, воспользовавшись моментом, слезы снова брызнули у нее из глаз, но Андрей, казалось, этого даже не заметил.

– Мы ему все равно уже ничем не поможем, а я и так еле на ногах стою. Поехали!

– Как ты можешь так говорить!? Так... бессердечно!? Он ведь был... был твоим другом!

– Другом? Вот уж не сказал бы!

– Что ты несешь! – Марина в сердцах ударила Андрея кулачком в грудь, – он же погиб буквально у тебя на глазах!

– И в связи с этим у полиции будет к нам масса вопросов, на которые у меня нет ни времени, ни желания отвечать.

– Тем более мы не можем сейчас уехать. Мы же свидетели!

– Брось! Тут и без нас свидетелей хватает.

Марина обернулась и увидела, что вокруг места аварии собралась уже изрядная толпа, за которой уже сложно было разглядеть тело Везунчика. Кто-то прикрыл его курткой, что сразу вносило в картину трагическую ясность. Завывания пробивающейся через пробку «скорой» звучали теперь гимном запоздалой бессмысленности. Вдалеке им вторила другая сирена, отмечавшая приближение стражей порядка.

– Но если мы сейчас уедем, то потом к нам вопросов будет еще больше! – она вдруг сообразила, что их парочка оказалась в весьма двусмысленной ситуации. Вся история с их появлением здесь выглядела, по меньшей мере, странно, – еще, чего доброго, подозревать начнут!

– Ничего, твой отец отмажет, – и, не обращая внимания на обалдевшую Марину, Андрей развернулся и застучал костылями по тротуару, – поехали уже!

За всю обратную дорогу они не обменялись ни единым словом, но вот дома Марина дала волю своим эмоциям. С ней случилась форменная истерика. Хотя, строго говоря, данное действие подразумевает наличие аудитории, в то время как Андрей, едва сбросив ботинки, тут же упал на диван и полностью отключился от окружающей действительности. И никакой крик, мольбы или рыдания не могли выдернуть его из такого удобного и привычного забытья.

Не в силах более выносить его полнейшее безразличие, Марина наспех побросала в сумку свои скромные пожитки и ушла, постаравшись напоследок погромче хлопнуть дверью.

Лежавший на диване Андрей даже не моргнул.

Роль заботливого отца Павлу Сенцову давалась плохо. Вот изобразить доброго или злого следователя, прессануть не в меру дерзкого гастролера – всегда пожалуйста! Тяжелая челюсть в сочетании со старым шрамом, оставшимся со времен службы в армии, и хмурым взглядом из-под сдвинутых к переносице темных бровей в подобных ситуациях работали отлично. А вот в общении с собственной дочерью толку от подобного арсенала было немного, и он сам почему-то постоянно чувствовал себя подозреваемым.

Они и без того общались не особо часто, а после того, как разбился Андрей, и Марина сначала дни напролет просиживала рядом с парнем в больнице, а потом переехала к нему домой, чтобы помочь подняться на ноги, ее телефонные звонки в пересказе матери остались единственным источником информации об ее жите-бытье.

Трагическая авария, унесшая жизнь Дениса, неожиданно вернула Марину домой, но Павлу такой поворот только подкинул новых треволнений. Чья-то смерть сама по себе не добавляет поводов для оптимизма, а, кроме того, представлялось совершенно очевидным, что причиной возвращения дочери под родную крышу стало отнюдь не резкое улучшение здоровья Андрея. Что-то там у них явно сломалось... Час от часу не легче!

По обыкновению, все подробности Павел узнавал от супруги, у которой с дочерью взаимопонимание было налажено лучше. Кроме того, Марина старательно избегала любого общения, запираясь в своей комнате, и отец счел за лучшее ее лишней раз не теревить.

Вся история с так называемой «прогулкой» Андрея выглядела более чем странно и подозрительно, и Павел по своим каналам старался следить за ходом расследования, но, как выяснилось, беспокоился он напрасно. Записи сразу с трех видеорегистраторов предельно четко раскладывали все по полочкам. Обстоятельства аварии представлялись настолько очевидными и прозрачными, что никому и в голову не пришло выискивать в случившемся второе дно и строить сомнительные версии.

Такое положение дел Павла, несомненно, порадовало, поскольку лишние проблемы никому не доставляют радости, однако его внутреннее чутье все же подсказывало, что в деле еще осталось немало белых пятен, и этот маленький назойливый червячок ворочался и неприятно щекотал у него где-то глубоко внутри.

Но в один из дней, вернувшись с работы, он застал Марину на кухне в компании початой бутылки вина, и ее красные глаза свидетельствовали о том, что сегодня снова что-то не заладилось. Можно было, конечно, тихонько развернуться и уйти, однако Павел решил остаться. В конце концов, если бы Марина искала одиночества, то уединилась бы с бутылкой у себя, а так есть шанс, что ей захочется поговорить. Накипело, видимо.

Ничего не говоря, он взял из шкафа еще один стакан и, получив на свой вопросительный взгляд еле заметный кивок, налил и себе. В голове у него скопилось немало вопросов, но Павел по опыту знал, что в подобных ситуациях лучшим способом разговорить человека является встречное молчание. Он пригубил вино и стал ждать.

Ожидание, впрочем, оказалось недолгим.

– Сегодня Дениса похоронили, – Марина шмыгнула носом и скользнула пальцем по щеке, смахивая слезинку.

– Какое кладбище?

– Хованское. Там у него отец похоронен.

Вновь воцарилось молчание, но Павел понимал, что до главного они еще не добрались. Сам по себе факт похорон не объяснял такого растрепанного состояния дочери, ее угрюмой задумчивости, сопровождаемой еле заметной рябью, время от времени пробегавшей по ее лицу. Случилось что-то еще, требовалось лишь терпеливо подождать, пока суть не выплывет на поверхность.

– Я Андрюшке позвонила, думала, ему небезразлична судьба друга, а ему оказалось абсолютно до лампочки. «Угу» и все.

– Ну, в его-то состоянии...

– Да не скажи! – Марина неожиданно перешла чуть ли не на крик, – я еще упомянула про неприятный инцидент во время отпевания, когда ворвавшийся сквозняк задул все свечи, а он знаешь что сделал? Знаешь!? Он расхохотался!

Павел удивленно вскинул бровь, а разгоряченная Марина продолжала:

– И заявил еще, мол, «Бог шельму метит», представляешь!?

– Он свои слова как-нибудь пояснил?

– Да, сказал, что это расплата за прошлую аварию. Говорит, что тогда, весной, Везун... Денис его подставил. Он в самый последний момент ушел влево, обходя перестраивающуюся фуру, и Андрюшку подрезал, после чего ему ничего не оставалось, кроме как объезжать трей-

лер справа, и там он налетел на уборочную машину, которую увидел только в самый последний момент.

– Все может быть, – Павел решил придерживаться нейтральной линии, желая выяснить побольше подробностей.

– Так Андрюшка же тогда сотрясение мозга получил! – Марина в сердцах всплеснула руками, – он в принципе ничего помнить об аварии не должен! Его же расспрашивали неоднократно, но все без толку. Как собирались, как выезжали – помнит, а дальше все, обрыв пленки.

– Кто-нибудь рассказал...

– Кто!?! Сам Денис? Он что, дурак, что ли? А кроме него некому. С чего вдруг такое просветление?

– Ну, возможно, память со временем постепенно восстанавливается.

– Это не память, это... это что-то другое, – Марина обхватила голову руками, – его в последние дни словно подменили. Я Андрюшку порой вообще не узнаю.

Девушка опрокинула в рот бокал с остатками вина.

– Я просто не понимаю, что происходит. Все эти события... они... когда я пытаюсь сложить их вместе, образуют какую-то пугающую картину. Словно все было кем-то специально подстроено, и Андрюшка об этом знал. Но кем!? Как!? Я не понимаю, – сделав пару судорожных вдохов, девушка разревелась.

– Ну-ну, не нужно искать чьих-то козней там, где их нет и быть не может, – успокаивающе проговорил Павел, – все явилось следствием трагического стечения обстоятельств. Я же видел записи с регистраторов – там все очевидно. Денис на полном ходу наехал на валявшуюся на дороге пробку от пива, она прямо в лобовое стекло шедшей следом машине отлетела. А в таких экстремальных режимах достаточно сущей мелочи, чтобы все пошло вразнос...

– Пробка? – Марина резко умолкла, как пулемет, у которого кончилась лента с патронами.

– Да, запись качественная, все отлично видно...

– О, Господи!

– Что такое?

– Н-нет, ничего, – словно опомнившись, Марина резко встала из-за стола и принялась наводить порядок.

Не требовалось дополнительных пояснений, чтобы понять, что разговор окончен, и пытаться его продолжить не имеет смысла – человек лишь уйдет в глухую «несознанку» и все. И столь же ясно Павел видел, что упоминание о пивной пробке почему-то испугало его резко побледневшую дочь чуть ли не до потери пульса.

Спустя пару дней Марина все же решилась заехать к Андрею домой, чтобы забрать кой-какие вещи, да и просто проведать парня. Все-таки человеку на костылях нелегко в одиночку вести домашний быт, да и в магазин за продуктами бегать не очень-то сподручно. Когда она уходила, в холодильнике оставалось еще достаточно еды, которой одному человеку вполне хватило бы на неделю, но рано или поздно все заканчивается, а потому, заскочив по дороге в супермаркет, Марина набралась смелости и направилась по знакомому адресу.

Переступив порог, она осторожно потянула носом воздух, поскольку, ежели в квартире больше недели не убираться и не выносить мусор, то это неизбежно приведет к появлению характерных запахов. Однако ничего подозрительного ее обоняние так и не уловило, и девушка с плохо скрываемым облегчением перевела дух.

– Почему не предупредила? – донесся из комнаты голос Андрея, – я бы хоть приоделся.

– Да я как-то так, спонтанно, – Марина скинула туфли и, подхватив пакеты, зашлепала босыми ногами на кухню, но, проходя мимо гостиной, резко остановилась, – я тут тебе немного продуктов... решила...

Она ожидала чего угодно. Что Андрей будет небритый, нечесанный, грязный, что в комнате будет царить кавардак, что на столике у дивана будут красоваться тарелки с присохшими остатками еды... Но, к своему немалому удивлению, ничего из перечисленного она не увидела. Скорее наоборот.

Кровать оказалась аккуратно заправлена, Выбритый до синевы Андрей сидел за рабочим столом, на котором красовалась пара новых больших мониторов, сам он был одет в светлую и даже не помятую рубашку и легкие спортивные штаны.

– Привет, Мариш! – он улыбнулся, увидев ошарашенное выражение ее лица.

– Я это... продукты... – Марина продемонстрировала пакеты, – в холодильник уберу, ладно.

Она прошла на кухню и царившие здесь чистоту и порядок восприняла уже спокойней, как нечто неизбежное. В холодильнике девушку поджидал ее один сюрприз в виде забитых полок, и ей пришлось изрядно постараться, чтобы рассовать свои покупки.

– Откуда у тебя жрачка-то? – она, наконец, затолкала в морозилку пачкупельменей и закрыла дверцу.

– Через интернет заказал, – Марина аж вздрогнула, обнаружив, что Андрей стоит в дверях.

– А-а-а, – она никак не могла сообразить, что именно в нем не так. В его облике не хватало какой-то существенной детали, столь привычной, что ее отсутствие ощущалось буквально инстинктивно, но разум никак не мог сообразить, в чем дело. И вдруг ее осенило!

– Где твои костыли!?

– На балконе. Как видишь, я уже прекрасно и без них обхожусь.

– Но врач же сказал, что вставать на больную ногу ты сможешь не раньше, чем через месяц, да и то осторожно. Тебе ведь ей даже пошевелить больно было!

– Врачи – известные перестраховщики. С моей ногой уже все в порядке.

– Но кости могут срастись неправильно!

– Не обращай значения, все будет нормально.

Андрей развернулся и направился обратно в комнату, и Марина не могла не отметить, что он при этом даже не прихрамывал!

Пройдя следом, девушка обнаружила, что он уже уселся за стол с мониторами и внимательно что-то на них рассматривает. Марина присела на краешек дивана и некоторое время молча наблюдала, соображая, как ей лучше поступить. Андрею, похоже, не было до нее никакого дела, но просто так взять и уйти она не решалась, тем более, что в голове у нее роилась целая туча вопросов.

– У тебя новый компьютер? – спросила она, наконец, чтобы начать хоть с чего-то.

– Угу.

– Тоже через интернет купил?

– Угу.

– А деньги где взял?

– Я мотоцикл продал.

– Мото... продал!? – уже в который раз за сегодня Марина лишилась дара речи.

Если бы Андрей заявил, что он ради денег продал собственную почку, то это, пожалуй, произвело бы на нее не столь сильное впечатление. В течение последних лет мотоцикл являлся неотъемлемой частью его жизни, его другом, его верным спутником, его железной любовницей, в конце концов! Андрей проводил в гараже бесчисленные часы, настраивая, дорабатывая и всячески ублажая свою стальную подругу. Он буквально сросся с байком в единое целое – он ходил смурной, если в нем что-то барахлило, и радовался как ребенок, раздобыв для него нужную запчасть или очередное украшение. Марине не доставалось и половины того внима-

ния, которое Андрей уделял своей «Хонде» и, что греха таить, она нередко на полном серьезе его к ней ревновала.

После нескольких ссор она все же смирилась с такой судьбой и пребывала в абсолютной уверенности, что разлучить Андрея с мотоциклом сможет только смерть, а тут такая новость!

– Но... – на то, чтобы совладать с отвалившейся челюстью Марине потребовалось некоторое время. В ее представлении, такой шаг граничил чуть ли не с супружеской изменой, – почему? Как же ты теперь без него жить-то будешь?

– Спокойно, – Андрей слегка пожал плечами, – он же битый, ремонт денег стоит, которых нет. А так – хоть какая-то польза.

Он обвел рукой стоящие перед ним мониторы, на которых громоздились непонятные таблицы и графики.

– Ты новую работу нашел?

– Так... в Форекс поигрываю помаленьку.

– Форекс!? – Маринина челюсть предприняла еще одну попытку упасть на пол, – ты же сам всегда утверждал, что это развод для жадных простачков!

– Я и сейчас так считаю, – Андрей согласно кивнул, – но разве я похож на простачка?

– М-да, знать, крепко ты тогда головкой-то ушибся... Не рановато ли тебя выписали?

– Расслабься! – он рассмеялся, развернувшись к ней вместе с креслом, – с моей головой все как надо. Да, девять человек из десяти, заглянувших в это казино, продуваются в пух и прах, а одному может и повезет отыграться. Но я опираюсь не на везение, а на *знание*.

– И что за знание такое сакральное тебе открылось, что другим неизвестно?

– Ну, к примеру, я знаю, что на следующей неделе, во вторник, в Екатеринбурге потерпит аварию самолет компании СевЛайн, – медленно, словно считывая текст с доски объявлений, проговорил Андрей и поспешил успокоить, – ничего смертельного, просто лайнер выкатится за пределы полосы. Почти сразу в соцсетях кто-то пустит слух, что экипаж был пьян. Позже выяснится, что виной всему заводской дефект тормозной системы, и к экипажу нет никаких претензий, но это будет потом, а поначалу поднимется страшный шум. В итоге акции СевЛайн обвалятся существенно ниже номинала, и вот тут-то я и подсуечусь. После объявления результатов расследования их цена с лихвой отыграет предыдущее падение, что принесет мне в карман изрядную сумму.

– Вот как? – Марина долго думала, как лучше прокомментировать его доклад, но ничего остроумного ей на ум так и не пришло.

– Угу. Ну а пока я тут играю по мелочи, аккумулирую средства для своей затеи.

– Звучит как бред.

– Охотно не сомневаюсь, но все произойдет именно так, как я и сказал.

– Почему ты так в этом уверен? Сам руку приложил, что ли?

– Да ну, мои руки не настолько длинные, – Андрей отмахнулся и повернулся обратно к мониторам, – я просто... *вижу*.

– Видишь что, будущее?

– Будущее... прошлое... все.

– Как это?

– Ты не поймешь. Извини.

– Это почему же?

– Но как? Как я могу описать тебе то, что твой мозг вместить в принципе не способен!?

– То есть, по-твоему, – Марина недобро прищурилась, – я настолько тупая?

– Да я не это имел в виду! – Андрей раздраженно крутанулся на кресле, – то, что я видел, что я пережил... *там*, вообще не предназначено для разума простых смертных! Это настолько... настолько... больше, чем мы можем себе вообразить, что одна лишь попытка охватить взглядом величие этого знания сведет с ума!

– Там? – переспросила девушка, – за те несколько минут, пока ты был в отключке?

– Несколько минут? Это в вашем мире прошло лишь несколько минут, а для меня они растянулись в целую вечность! – Андрей вскочил на ноги, возбужденно жестикулируя, – для меня прошли века, эпохи! Я успел забыть, все, что я знал ранее, свой дом, родных, друзей... забыть даже, кто я такой! А потом меня вышвырнули обратно, во тьму, грязь, холод и боль.

– Мы называем это *жизнь*. Привыкай.

– О! Да ты – сама доброта! Чего еще предложишь, а? Быть может некогда зеленому листу – привыкать к душной тесноте гербария? Еще вчера порхавшей бабочке – к булавке, на которую ее накололи? Лососю – к жестяной масляной ванне?

Андрей надвигался на Марину, сжимая и разжимая кулаки, его лицо покрылось красными пятнами, и она невольно попятилась, напуганная столь мощным эмоциональным всплеском.

– Я парил над миром, я мог вобрать его в себя, прочувствовать, слиться с ним в единое целое! От начала времен, от рождения первых звезд до смерти последних черных дыр, от самых далеких галактик до бездонных глубин океана – все это было у меня здесь, – он вскинул перед собой скрюченные от напряжения руки, – здесь, на кончиках моих пальцев! Я был богом... даже нет, боги – всего лишь мелкие пакостники, я же был самым мирозданием! А сейчас я – ничто! Сморщенная и почерневшая засохшая банановая шкурка!

Марина сделала еще один шаг назад и уперлась спиной в дверь.

– Ну да ничего, я еще вернусь туда, обязательно вернусь! – Андрей остановился перед ней, тяжело дыша, – теперь я знаю, что делать. Мне только надо...

Запел сигнал вызова по Скайпу, и парень в два прыжка вернулся к столу. Натянув на голову гарнитуру, он вновь отключился от окружающего мира. Марина осторожно перевела дух, чувствуя, как неприятно дрожат ставшие вдруг непослушными ноги.

Воспользовавшись моментом, она тихонько вышла в коридор, чтобы не подслушивать чужие разговоры, пусть даже и невольно. Пусть даже и на французском, на котором она не понимала ни слова.

Уже закрывая за собой входную дверь, она вдруг вспомнила, что в школе Андрей изучал английский, да и то, больше трояка никогда не получал. У девушки мелькнула мысль, что ей, возможно, просто послышалось, и она даже хотела вернуться и прислушаться получше, но, пока она раздумывала, тяжелая дверь захлопнулась.

Включившаяся во дворе автосигнализация, похоже, планировала исполнять свои рулады всю ночь напролет. Чтобы избавиться от ее назойливого мяуканья, Павел сначала попробовал закрыть окно. Это помогло, но вскоре на кухне стало душно как в парилке, и ему пришлось отступить. Взамен он сделал звук телевизора погромче и продолжил разбираться с ужином. Бормотание светящегося прямоугольника помогало выбить из головы воспоминания о рабочем дне, а заодно стимулировало пищеварение.

С некоторым сожалением Павел отодвинул пустую тарелку и уже потянулся за чашкой, как вдруг в коридоре послышался торопливый топот, и на кухню буквально влетела взъерошенная Марина.

– Что случилось? – рука Павла застыла на полпути.

Но дочь его не слышала. Широко распахнутыми глазами она впиалась в экран телевизора, где очередная говорящая голова вещала на фоне синих сполохов. Губы Марины шевелились, словно шепча молитву. С некоторым запозданием Павел спохватился и прислушался к словам репортера.

– ...на месте аварии уже приступила к работе специальная комиссия, призванная установить все обстоятельства случившегося. Все полеты самолетов компании СевЛайн приостановлены до отдельного распоряжения. На настоящий момент в больницах Екатеринбурга остаются

двадцать восемь пострадавших. По словам врачей, все они – с ушибами и легкими травмами, и их жизни ничего не угрожает.

Картинка сменилась изображением студии, и ведущий перешел к следующему репортажу. Марина выставила вперед руку и наставила подрагивающий указательный палец на экран. Она явно силилась что-то сказать, но нужные слова застряли у нее в горле. Павел взял со стола пульт и выключил телевизор.

– Что случилось? – повторил он, – у тебя этим рейсом кто-то знакомый летел?

– Андрюшка же...

– Он был на этом самолете? Но так все вроде бы обошлось, никто серьезно не пострадал, – испуг Марины выглядел явно непропорционально тяжести аварии.

– На прошлой неделе он рассказывал мне об этой катастрофе! – девушка уронила руку и сама плюхнулась на стул, ошарашено глядя в одну точку.

– М-м-м, не понял? Что рассказывал?

– Все, что случилось. В деталях, – Марина устало помассировала виски, – что рейс СевЛайн при посадке в Екатеринбурге выкатится с полосы, что никто серьезно не пострадает, что экипаж, якобы, окажется пьян, что на таких новостях акции СевЛайн резко упадут в цене, и что он неплохо на этом заработает.

– Вот как? Но про пьянство пилотов, кстати, в репортаже ничего не говорилось.

– Вскоре пойдет слух, но он не подтвердится, после чего акции отыграют падение, и вот тут-то Андрюшка и планирует поднять хорошие деньги.

– И когда он все это тебе говорил?

– В четверг. Кажется, – Марина подняла затравленный взгляд на отца, – но ведь это невозможно!

– Он не намекнул, откуда у него информация?

– Сказал, что он вроде как может будущее *видеть*. Я-то особого внимания тогда не обратила, мало ли что в ушибленную голову прийти может, но теперь даже не знаю, что и думать.

– Ты подозреваешь, что он может быть... причастен?

– Нет, конечно! Каким образом?

– Может, тебе все приснилось, а? – Павел упорно пытался вернуть дочь на рациональную землю, но взамен чувствовал, что и его собственные рассуждения начинают постепенно дрейфовать в область сверхъестественного.

– Да!? А смерть Дениса? Тоже приснилась!? – внезапно взвилась она, – Андрюшка и тогда точно знал, где и когда тот разобьется... и почему. Там-то уж он точно непричастен был. Все я, все сама...

Марина вся как-то сникла и, поднявшись, понуро побрела в свою комнату. Через некоторое время из-за неплотно прикрытой двери Павел услышал, что она с кем-то разговаривает. Он скинул тапки и в одних носках осторожно подошел ближе. Он, в конце концов, отец, и имеет право знать...

Беседа довольно быстро перешла на повышенные тона, и прикладывать ухо к двери даже не требовалось. Он мог слышать только ответные реплики Марины, но этого вполне хватало, чтобы восстановить содержание разговора.

– ...но откуда, откуда ты мог все это знать!?

– ...да, да, я помню, что ты говорил, но ты ведь даже не пытаешься объяснить!

– ...знаешь, компетентные органы такое объяснение вряд ли удовлетворит. Мой отец, в силу профессиональной специфики, начинает тут насчет тебя уже всякое нехорошее подозревать...

– ...ну извини, ты же не предупредил, что это какой-то страшный секрет!

– ...и я еще не рассказывала ему всех подробностей смерти Везунчика...

– ...только не притворяйся, будто не понимаешь, о чем я! Ведь ты не просто так меня в тот день на Воробьевы Горы потащил! Ты тогда тоже... *видел?* И ту злосчастную пробку, на которую он налетел, да? И то, как я ее перед тем пнула, что она на дорогу вылетела? Ты ведь знал, что все так и будет? Ты для этого меня туда привел? Чтобы я его убила?

– ...да мне плевать, узнает об этом кто-то или нет! Я же не за себя беспокоюсь! Я же... я...

Марина умолкла, и Павел понял, что дочь опять плачет. Он уже решил, что разговор закончен, когда снова услышал ее голос, дрожащий и тихий.

– Андрюша, мне *страшно*.

Осторожно, на цыпочках, Павел отошел от двери и вернулся на кухню. По дороге он прихватил из кармана куртки свой телефон. В той мешанине новых, противоречивых и порой пугающих фактов, что на него вывалилась, ему вряд ли удастся разобраться без посторонней помощи. Тут определенно не помешает консультация грамотного специалиста.

Набрав на панели код с помятой бумажки, Павел стал ждать, когда неторопливые автоматические ворота отползут в сторону.

Когда он отслужит свое и уйдет на пенсию, он тоже отстроит себе, наконец, достойный загородный дом. И чтобы ворота были нормальные, открывающиеся с брелка, а не с лома. Ежегодные упражнения, когда просевшие за зиму створки наотрез отказывались отворяться, изо всех сил цепляясь за раскисшую землю, уже порядком надоели.

Да, для этого придется еще немного потянуть ляжку, добавить звездочек на погоны, да и раскрываемость неплохо бы повысить. Так что для воплощения светлой мечты предстоит немало попотеть.

Павел тронул машину с места и покатил по мощеной плиткой дорожке, направляясь к двухэтажному кирпичному особняку. М-да, на зарплату обычного следака таких хором не отгрохаешь. То ли дело Млечин – не человек, а легенда!

О его свершениях, и впрямь, ходило немало слухов, имеющих весьма условное отношение к реальности, но факт оставался фактом – Федор Константинович отличался способностью раскапывать самые запутанные дела, демонстрируя интуицию, граничащую с ясновидением. Он вообще специализировался на расследованиях, от которых пахло мистикой и оккультизмом, выводя на чистую воду немало проходимцев.

Оставив службу, он, однако, не ушел в тень и продолжил по мере сил и возможностей содействовать своим бывшим коллегам по цеху. И многие следователи, столкнувшись с чем-то труднообъяснимым с точки зрения известной науки и законов логики, набирали хорошо знакомый номер телефона. И Млечин никогда никому не отказывал в помощи.

Но на памяти Павла он впервые пожелал выслушать все подробности лично.

В доме и вокруг него в изобилии виднелись приметы масштабного ремонта – прикрытые пленкой тюки с минеральной ватой, штабеля досок, кучи песка и гравия. Из открытых окон доносился треск перфоратора вперемешку с визгом циркулярной пилы.

У Павла мелькнула мысль, что в такой обстановке вести переговоры будет не особо комфортно, но тут на пороге появился сам хозяин с двумя бутылками минералки в руке. Несмотря на солидный возраст он по-прежнему оставался подтянутым и энергичным, и только белизна бровей и немногочисленных коротко подстриженных волос выдавала реальное положение вещей. Несмотря на бушующую вокруг стройку, его белоснежные брюки и рубашка выглядели так, словно их только что получили из чистки.

– Привет, Паш! – его рукопожатие было быстрым и крепким, – тут у меня, как видишь, небольшой бардак, так что я предлагаю посидеть в беседке.

Павел последовал за ним по извивающейся между клумб дорожке, прикидывая в уме, хватит ли ему генеральских погон, чтобы так же аккуратно обустроить собственный участок, или понадобятся маршальские? Почему всегда так выходит, что при равных стартовых усло-

виях, к одним счастливицам жизнь всегда поворачивается своей светлой и удачливой стороной, а другим приходится довольствоваться тем, что осталось.

– Я бы с радостью предложил тебе что-нибудь поинтересней, – Млечин поставил одну бутылку перед Павлом, а другую открыл сам, – но мне здоровье не позволяет, хотя в последнее время минералка даже начала мне нравиться, а ты за рулем, так что извини...

– Здоровье? По Вам и не скажешь.

– Увы, гниющий изнутри дуб тоже внешне выглядит здоровым и сильным, пока в один прекрасный день не рухнет от легкого ветерка, – Млечин раздосадовано отмахнулся, – ну, что там у тебя? Ты говорил, что приятель твоей дочери после больницы стал как-то странно себя вести, авиакатастрофы предсказывает и прочие бедствия пророчит. Давай-ка подробно и с самого начала.

Несмотря на кажущуюся легкомысленность, Павел видел, что старик настроен крайне серьезно, и в его глазах не наблюдается и тени улыбки. Он с шумом вздохнул, на несколько секунд прикрыл глаза, сосредотачиваясь, и начал рассказывать. Стараясь оставаться кратким, Павел, тем не менее, максимально подробно перечислил все факты, что были ему известны на данный момент. Все свои догадки и версии он оставил за кадром, чтобы избежать ненужного субъективизма. Все как учили.

По окончании доклада Млечин довольно долго молчал, задумчиво поглаживая небритый, словно поросший белесой плесенью подбородок. Воспользовавшись паузой, Павел отхлебнул минералки, чтобы промочить пересохшее горло. Нельзя сказать, чтобы он волновался, но подчеркнутая серьезность Млечина, и его затянувшееся молчание уже начинали беспокоить. Не хватало еще, чтобы все эти непонятности с Андреем вылились во что-то серьезное.

– Любопытно, – заговорил вдруг старик, откинувшись на скамейке и заложив руки за голову, – занятная история.

От неожиданности Павел чуть не поперхнулся. После столь продолжительной и многозначительной паузы он как-то ожидал более весомого вердикта.

– У Вас есть объяснение?

– Знал бы прикуп – жил бы в Сочи! – усмехнулся Млечин, – твой Андрей – «возвращенец», а с ними нередко всякие странности приключаются.

– «Возвращенец» – в смысле...

– С того света, – старик кивнул, – у них в голове порой что-то сбивается, и они то другим человеком себя возомнят, причем нередко кем-то реально существовавшим, то на иностранном языке заговорят, которого раньше никогда даже не слышали... Такое впечатление, будто в небесной бухгалтерии души попутали и вернули не ту и не туда.

– Но Андрей, – Павел нахмурился, – вернулся самим собой, насколько я могу судить.

– Да, но мне кажется, что в его случае напортачили не с адресом, кхм, возврата, а со временем.

– То есть...

– Ну, это я просто фантазирую, но как еще можно объяснить то, насколько хорошо он осведомлен о событиях, которые еще только должны произойти. Не исключено, что будучи там, – Млечин поднял вверх указательный палец, – он имел возможность заглянуть в будущее, а теперь просто пытается свое знание монетизировать. Чем не вариант?

– Попахивает шарлатанством, – Павел взял со стола бутылку, но, покрутив ее в руках, поставил обратно, – не люблю версии, которые невозможно проверить.

– Увы, но здесь мы ступаем на зыбкую почву иррационального, и наши привычные инструменты и методы тут нам не помогут.

– Кроме того, мне чисто по-человечески непонятно – если он предвидел смерть Дениса, предвидел аварию самолета, то почему даже не попытался их предотвратить?

– Откуда ты знаешь? – прищурился Млечин, – не исключено, что он пытался, но кто ж такому поверит? Вот ты бы поверил?

– Марина неотступно находилась рядом с Андреем – он не пытался. Даже никак этот вопрос не затрагивал. А когда она сообщила ему, что Денис купил новый байк, то по ее словам, у него словно петарда под задницей взорвалась – «пошли гулять» и все тут. Потасил ее на Воробьевы Горы, аккуратно на то место, где и произошла трагедия. А когда Денис умер, он молча развернулся и потопал домой, – Павел поднял взгляд на Млечина, – зачем он туда таскался? Если предвидел – зачем? Убедиться? Позлорадствовать?

Повисла еще одна долгая и тягучая пауза. Немного подождав, Павел все же допил свою минералку и отставил бутылку в сторону.

– Знаешь, как говорят, – заговорил старик задумчиво и неторопливо, – что преступника всегда тянет на место преступления. Быть может, человека, который однажды уже умирал, точно так же влечет к себе чужая смерть?

– Метафизика какая-то...

– Да уж, друг Горацио, жизнь – она такая, с сюрпризами.

– Коли Андрюху просто к покойникам тянет, то это еще полбеды, а вот если...

– Что? – Млечин подался вперед.

– Он ведь может и не ждать милостей от природы. Как бы он не начал чужие смерти *иницицировать*, – Павел поерзал, поскольку от собственных мыслей ему вдруг стало чертовски неуютно, – у меня все нейдут из головы слова Марины, что Андрей привел ее на Воробьевы Горы как раз для того, чтобы именно она стала причиной смерти Дениса.

– Я не исключаю никаких версий. Если он и вправду, как ты говоришь, видит будущее во всех его вариантах, то вполне может способствовать реализации того из них, в котором данный человек умирает.

– Даже если так – убийство ему все равно пришить не получится.

– Не стоит так уж сгущать краски, – Млечин покачал головой, – я все же надеюсь, что наши с тобой страшилки так и останутся пустой болтовней. Хотя присмотреть за парнем стоило бы.

– Легко сказать... я же ему не нянька, да и Марина в последнее время редко с ним общается, – Павел с шумом перевел дух, – а после всего того, что Вы тут мне наговорили, я бы предпочел, чтобы она вообще с ним не пересекалась. Не наружку же подключать в самом деле!

– Конечно же нет! Брось! – старик рассмеялся, хотя и несколько натужно, – ничего специально вынюхивать не стоит. Просто держи ушки на макушке. Я намекну твоему командованию, что ты кой-какую работу для меня делаешь, чтобы у тебя руки более-менее свободны были. Ежели вдруг попадется что-то интересное – дашь знать.

– Ладно, – Павел поднялся, – остается надеяться, что следующей интересной новостью не станет мой собственный некролог.

Всю обратную дорогу он гадал, в чем состоял смысл их встречи? Он не рассказал Млечину ничего нового, ничего сверх того, что уже сообщал ему по телефону. Похоже, что и сам старик плохо представлял себе, что именно они пытались выяснить, и тыкался наугад, словно слепой котенок. Или же напротив, он прекрасно знал, с чем имеет дело, но почему-то старательно скрывал это от Павла.

Но одно можно было сказать точно – Федор Константинович Млечин, прожженный ветеран силовых структур, самолично выследивший и обезвредивший более дюжины опаснейших рецидивистов, выглядел не на шутку *напуганным*.

Участь гонца, приносящего худые вести, во все времена представлялась незавидной, а потому Рустам не спешил. Он даже решил не пользоваться лифтом и поднялся по лестнице, хотя, когда речь идет всего о двух этажах, еще неизвестно, что окажется быстрее.

Навстречу ему прошли два человека в униформе кейтеринговой компании, и Рустам зашагал еще медленней. Если там уже накрывают стол к праздничному банкету, то его дела совсем плохи. Кому понравится, если у него кусок торта прямо изо рта вынут?

Из приемной Генерального доносились оживленные голоса и смех, но замедлить движение еще больше уже не представлялось возможным. Рустам обреченно вздохнул и шагнул в распахнутую дверь.

Даниэл стоял посередине комнаты, засунув руки в карманы брюк. Он словно возвышался над окружающей суетой, с легким нетерпением наблюдая за секретаршами, разгружающими присланные коробки. Освещенное окно позади ясно очертило его орлиный профиль, удивительно точно соответствовавший хищному характеру Генерального.

– О! Вести с фронта! – воскликнул он, завидев вошедшего Рустама, – докладывай!

Однако одного-единственного взгляда на хмурое лицо помощника ему хватило, чтобы понять, что дела идут несколько не так, как планировалось. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но улыбка словно окаменела, а в глазах заиграл недобрый огонь.

– Есть проблемы?

– Миноритариям, несогласным с условиями сделки, удалось сформировать блокирующий пакет, – негромко, но четко отрапортовал Рустам, покорно вверяя свою дальнейшую судьбу в руки босса.

– Та-а-а-к, – протянул Даниэл, и температура в комнате разом упала на несколько градусов. Все разговоры немедленно смолкли, а те, кто волей случая оказался рядом с незадачливым гонцом, по-крабьи, бочком-бочком поспешили отползти в сторонку, – пожалуй, мы вас на минутку оставим.

Директор кивнул Рустаму на боковую дверь, и тот послушно проследовал за ним в кабинет.

– Так, – повторил он, когда тяжелая дверь закрылась за ними, – давай-ка еще раз.

Бесстрастный, почти дружелюбный голос Генерального, впрочем, Рустама не обманывал. Даниэл славился своим самодурством, и отправил на больничную койку не менее десятка сотрудников, осмелившихся подвергнуть сомнению его распоряжения. Как правило, ему хватало одной лишь фразы типа «Что ты сказал?» или «Ну-ка повтори?», чтобы довести человека до инфаркта. И Рустам прекрасно понимал, что и сегодня кого-то вполне могут увезти отсюда на «скорой».

– Наше предложение о покупке СевЛайн заблокировано. Миноритарии собрали необходимое количество голосов. Перевес небольшой, доли процента, но все равно мы здесь бессильны. Сделка не состоится.

– Ты... ничего не напутал?

– Весь отдел в шоке! Перепроверяли раз десять – все, кто проголосовал «против», свое решение подтверждают и менять его не собираются.

– И кто же их, интересно, надоумил-то?

– Понятия не имею! В нынешних обстоятельствах такое поведение представляется совершенно алогичным и даже абсурдным! Я затрудняюсь даже...

– А кто недавно уверял меня, что баланс складывается в нашу пользу, и что все колеблющиеся вскоре побегут от СевЛайн, как черт от ладана?

У Рустама язык чесался напомнить, что изначально он выступал против авантюры с поглощением терпящей бедствие компании, поскольку это рискованное мероприятие влекло существенные издержки и необходимость влезать в долги при довольно расплывчатых перспективах, но босс, как обычно, никаких возражений даже слышать не хотел. Он всегда добивался своего, требуя послушно исполнять все его распоряжения, порой странные, порой даже нелепые, всегда крайне рискованные, но неизменно успешные. Даниэл каким-то внутренним

чутьем безошибочно находил выигрышную стратегию. Но, рано или поздно, даже Акела промахивается.

Однако произносить подобное вслух означало усугубить инфаркт еще и переломом челюсти или сотрясением мозга, а потому Рустам сдержался.

– Так все и произошло! – кивнул он, – акции и без того обвалились почти вполовину, а вброс про пьяных пилотов и вовсе сделал их дешевле бумаги! Но...

– Но?

– За прошедшую неделю некоторое количество акций сменили своих владельцев, и новых акционеров наше предложение, судя по всему, не устроило.

– То есть они, узнав, что Титаник идет ко дну, отказались от нашего спасательного круга и только забаррикадировались в каютах?

– Более того, как только выяснилось, что корабль тонет, они бросились скупать на него билеты!

– С какой целью? Лучше бы туалетной бумагой запаслись – толку больше.

– Все может измениться, когда комиссия объявит результаты расследования.

– А где гарантия, что эти результаты их обрадуют? Мы предложили этим олухам журавля здесь и сейчас, а они предпочитают синицу, которая еще неизвестно, когда прилетит и что с собой принесет!

– Предварительные результаты могут быть обнародованы уже сегодня вечером. Основная версия – заводской дефект стойки шасси.

– Что? Уже сегодня!?

– Да, – Рустам словно взобрался на табурет и сунул голову в петлю, – поэтому я и говорю, что сделка не состоится. На то, чтобы уломать остальных акционеров, у нас уже не осталось времени.

И вот тут Даниэл взорвался.

– Что значит, «не состоится»? – заорал он, – ты понимаешь, что мы вложили в эту операцию все наши деньги!!! И не только наши! Если дело не выгорит, мы в жизнь не расплатимся!!! Даже если продать все твои «Порше», «Мазерати» и сдать в аренду испанский особняк с любовницами в комплекте!!!

Рустам все прекрасно понимал. И чьи деньги были привлечены, и какие *неприятности* грозят теперь и им самим и всем членам их семей. Но брызжущий слюной и пылающий лицом Генеральный в данный момент в его комментариях не нуждался. Он нуждался в громоотводе, роль которого как раз и досталась Рустаму.

– Выясни, кто скупил акции! Слышишь!?! – перейдя на змеиное шипение, Даниэл схватил помощника за лацканы и почти оторвал от пола, его аккуратно зачесанные назад темные с проседью волосы растрепались и теперь спадали на лицо неряшливыми прядями, – я ни за что не поверю, что все так сложилось само собой! Ни за что! Кто-то имел доступ к инсайду и успел оперативно подтянуть средства, чтобы подложить нам свинью. Такую активность замаскировать проблематично, так что найди его. Найди этого мерзавца! Или нас с тобой на лоскутки порежут!

Оттолкнув от себя Рустама, он нажал кнопку на коммутаторе.

– Машину к подъезду! Срочно! – директор ткнул пальцем в Рустама, – ты поедешь со мной.

– Куда?

– В СевЛайн, куда же еще!?! Будем заговаривать им зубы и тянуть время, а твои ребята пусть тем временем всю биржу вверх дном перевернут, но отыщут того, кто стоял за перекупкой акций, – Даниэл шумно выдохнул и, вскинув руки, привычным движением провел ладонями по вискам, вернув разметавшуюся шевелюру на место. Он более-менее сумел совладать

с нахлынувшей бурей эмоций, хотя его длинные пальцы все же слегка подрагивали, – а когда найдут – на ковер его ко мне. По возможности живого. Хотя и не обязательно.

Генеральный, несомненно, пребывал в ярости. В бешенстве. Сейчас он бы голыми руками разорвал того отступника, что осмелился встать у него на пути. Но, вместе с тем, Рустам видел, что его босс испуган и растерян. И не только перспективой непростых объяснений с кредиторами.

Он потерял ориентиры, все те столпы, на которые опирался его мир, его бизнес, внезапно рухнули. Да, Генеральный всегда ходил по краю, всегда играл с огнем, но, раз за разом, его прогнозы сбывались, а сделанные ставки многократно отбивались. Конкуренты могли сколько угодно его проклинать, а сомневающиеся – кусать локти до крови, но Даниэл всегда выходил победителем...

И вдруг он оступился.

На полном скаку влетел в бетонную стену.

Самым страшным для него в сложившейся ситуации стало элементарное непонимание. Как!? Как такое вообще возможно!? Почему!? Опустошающее недоумение, вроде того, что охватывает Вас, когда искомого предмета не оказывается на привычном месте, и в голове нет ни единой мысли насчет того, где же он может быть. Когда старое, неоднократно проверенное временем решение вдруг не сработало. Внешне Даниэл оставался по-прежнему уверенным в себе, хладнокровным и решительным, но вот глаза его определенно подводили, что не могло укрыться от Рустама, проработавшего бок о бок с шефом уже с десятков лет.

В лексиконе Даниэла вообще не существовало таких слов, как «неудача» или «провал». Ну, разве что по отношению к конкурентам, но чтобы подобное случилось с ним самим!? Нет, и еще раз нет! Такое категорически невозможно! Это... это как пятое измерение! Как ходить по потолку! Невозможно и точка!

Коммутатор сообщил, что машина ожидает у подъезда, и они вышли из кабинета, направляясь к лифту. В приемной на этот раз не было ни души, только неразобранные коробки, да одинокая секретарша, изо всех сил старавшаяся слиться со своим креслом.

Пока скоростной лифт мчал их на первый этаж, Рустам продолжал по телефону инструктировать своих подчиненных, одновременно украдкой наблюдая за боссом, состояние которого начинало все больше его беспокоить. Длинные узловатые пальцы Даниэла барабанили по поручню, выдавая бурлящие внутри страсти. Его взгляд оставался неподвижно сфокусированным на некой точке далеко за горизонтом, и только скулы время от времени вздрагивали на застывшем как маска лице.

Рустам никак не мог подобрать верную характеристику, наиболее точно описывающую состояние Генерального.

Страх? Испуг? Нет, слишком банально и плоско.

Ярость? Бешенство? Отчасти, несомненно, да, но это тоже лишь одна из проекций.

Растерянность? Недоумение? Да, да, но этого мало.

Искомое слово, точное, яркое и емкое, буквально вертелось у него на языке, но упорно отказывалось с него соскакивать.

Мягко остановившись, лифт выпустил их в холл первого этажа, где жизнь подставила Даниэлу еще одну коварную подножку. Не успели они с Рустамом сделать и нескольких шагов, как перед ними словно из-под земли возникли два репортера в компании с оператором. Пара микрофонов с логотипами скандально известных телеканалов буквально уткнулась Даниэлу в лицо.

– Господин Бабаджан, как Вы можете прокомментировать провал сделки по приобретению СевЛайн? В чем причина неудачи?

Генеральный отшатнулся, как от удара, и даже был вынужден ухватиться за локоть Рустама, чтобы не упасть. Его резко побледневшее лицо перекошило от ужаса, и в этот миг Рустам вспомнил нужное слово.

Паника!

Его босс ранее никогда не избегал общения с журналистами, он вообще любил давать интервью, даже вот такие спонтанные. И охране своей велел всегда пропускать к нему представителей прессы. Ведь у него всегда находилось, чем похвастаться, какое-нибудь достижение, чтобы блеснуть перед публикой. Но сейчас, выдернутый из привычного мира успехов и побед, брошенный в кажущийся бездонным омут неопределенности, Даниэл запаниковал. Он бы ни за что не признал бы этого вслух, но он просто *не знал, что делать*. Впервые в жизни!

И в этот самый момент он оказался перед камерами и микрофонами, растерянный и дезориентированный. Теперь свидетелями его слабости, его позора станут миллионы! Весь мир! Сверкающий дворец его репутации гения бизнес-стратегий обернется карточным домиком, посыпавшимся от первого же легкого ветерка.

Нет-нет, это невозможно! Все происходит с кем-то другим, не с ним, нет! Невозможно!

Рустам почувствовал, как Даниэл медленно заваливается на него, и еле успел подхватить босса, чтобы не дать ему упасть на мраморный пол.

– Даниэл! Что с тобой? Ты мене слышишь?

Пустой невидящий взгляд Генерального был устремлен в потолок. Рустам похлопал его по щекам, но никакой реакции не последовало.

– Врача! Скорее врача сюда! – закричал он, пытаясь нащупать пульс.

Холл наполнился громкими голосами и топотом ног, но внезапно остальные звуки буквально потонули в обрушившихся со всех сторон вороньем карканье и шуме хлопающих крыльев. От неожиданности люди аж пригнулись, прикрывая руками головы, но вскоре какофония столь же резко стихла. Рустам огляделся по сторонам, но никаких птиц не заметил. Да и откуда им взяться в закрытом холле? Галлюцинация? Но по ошарашенным взглядам окружающих, он сделал вывод, что посетила она не только его одного.

Тряхнув головой, он снова наклонился над Даниэлом.

Юность у Рустама сложилась непросто, и ему не раз доводилось видеть, как умирают другие люди. А потому одного взгляда на застывшее лицо босса ему хватило, чтобы понять, что для того в земной жизни все уже *закончилось*.

Заслышав вызывной сигнал телефона, Павел удивленно вскинул брови. Вот уж от кого он звонка никак не ожидал. Тем более в выходной.

– Я слушаю, Федор Константинович.

– Ты знаешь, что вчера Бабаджан умер? – загрохотало в трубке вместо приветствия.

– Бабаджан? – Павел наморщил лоб, пытаясь вспомнить, о ком идет речь, – какой Бабаджан?

– Какой-какой... Генеральный директор «УралСкай»! Чем ты там занимаешься, вообще!?

– Да так, особо ничем, а что? – он никак не мог взять в толк, почему его визави так разволновался из-за кончины какого-то топ-менеджера. Ну умер и умер – с кем не бывает.

Судя по всему, собеседник также сообразил, что здесь не повредит небольшой экскурс в историю вопроса, а потому заговорил уже спокойнее:

– Ты на днях рассказывал мне об одном парне, который предсказал аварию лайнера СевЛайн.

– Да, точно, было такое. Но причем здесь этот... Бабаджан?

– После того, как котировки СевЛайн обвалились, УралСкай предприняла попытку ее поглотить. Но кто-то тем временем скупил достаточное количество подешевевших акций,

чтобы сделку заблокировать. В итоге УралСкай налетела на большие деньги и серьезные неприятности.

– Вы хотите сказать...

– Позволь, я сам скажу все, что хочу, ладно, – собеседник Павла терпеть не мог, когда его перебивают, – так вот, мало того, что сделка сорвалась, так на Бабаджана еще насели журналисты из ТопРепорт. Они прознали о возникших проблемах и подкарауливали его на выходе из офиса. Когда они попытались взять у него интервью, у Гендиректора УралСкай не выдержало сердце.

– Да уж, скандал вполне в их духе.

– А очутились они там отнюдь не случайно – о провале сделки им сообщил анонимный доброжелатель. Что любопытно – звонок поступил примерно за час до появления Бабаджана в холле. На тот момент голоса акционеров еще даже не были подсчитаны! Однако их информатор уже все знал заранее, – на другом конце линии с шумом перевели дух, – вот теперь можешь высказывать свои догадки.

Павел задумчиво пошевелил челюстью, словно разминая ее и проверяя, готова ли она к тем соображениям, что ей предстоит озвучить. Вогнанная в его голову пулеметная очередь фактов требовала некоторого осмысления.

– Вы полагаете, что Андрей...

– Я дал тебе информацию, а строить версии – твоя работа, это ты у нас следователь. То, как он предсказал аварию самолета, показалось мне любопытным, но дальнейшие события уже начинают меня беспокоить. Случается, что «возвращенцы» иногда чудят, но тут нечто иное, твой Андрей действует последовательно и целенаправленно. Кто знает, может твое недавнее предположение верно, и он, действительно дергает за ниточки, навлекая на других людей их смерть. В таком случае он может представлять реальную опасность, и его стоит изолировать от греха подальше.

– Строго говоря, – Павел пожевал губами, – мы пока достоверно не знаем, кто именно скупил акции, и кто подослал к Бабаджану журналистов. Все может объясняться простым стечением обстоятельств, и никакого злого умысла здесь нет и в помине.

– Ты – следователь, – повторил его собеседник, – тебе и решать. Займись-ка этим делом, а я пока договорюсь с твоим начальством. У тебя будет полный карт-бланш. Делай все, что сочтешь нужным, чтобы прояснить необходимые детали, и ни на кого не оглядывайся. Всю ответственность я беру на себя. Если в итоге выяснится, что я – старый выживший из ума параноик, то так тому и быть, но ясность внести в любом случае надо. Хорошо? Сделаешь? Этот Андрей – он же тебе не чужой все-таки.

– Попробую.

– Добро! И... – Федор Константинович запнулся, – не хотелось бы излишне нагнетать, но... в общем, будь осторожен.

Отложив в сторону телефон, Павел задумался. Он никогда не искал себе лишних забот, «дело Андрея» в своей голове он поставил на полку рядом с другими подобными казусами и возвращаться к нему не планировал. Марина уже не маленькая девочка, пусть со своим хахалем сама разбирается, тут отец ей не советчик. Да и все прочие странности – не его ума дело, на каждый чих не наздравствуешься.

Он, вообще, полагал, что, скинув данный случай Млечину, свою миссию выполнил, и пусть тот дальше копает уже самостоятельно, у него и опыт соответствующий, и возможности... И тот факт, что эта история теперь бумерангом к нему вернулась, Павла совершенно не радовал. Даже странно, обычно Млечин не упускал возможности самостоятельно покопаться во всяких загадочных и мистических происшествиях. Почему в этот раз он все повесил на Павла?

Впрочем, отвертеться у него все равно не получится, если уж Млечин тебя на что-то зарядил, то ты либо выполнишь его поручение, либо... либо все равно выполнишь. Альтернатив не предусмотрено.

Ну да ладно, где наша не пропадала! Для начала следует отделить мух от котлет, то есть, факты от домыслов. Тут надо обратиться к первоисточникам.

– Марина! Подойди-ка сюда!

– Что случилось? – дочь, с растрепанными после ванной волосами, в халате и домашних тапочках, остановилась на пороге кухни.

– Ты можешь в Интернете найти последние репортажи ТопРепорт?

– Думаю, да. У них на сайте все видеоролики должны лежать.

– Найди мне, пожалуйста.

– Зачем?

– Мне тут один... человек звонил. Бывший гэбешник, специализирующийся по всяким паранормальным вещам. Он попросил меня кое-что проверить.

Пожав плечами, девушка ушла в свою комнату и вскоре вернулась с планшетом в руках и села на стул рядом.

– Какой именно сюжет тебе нужен?

– Из вчерашних новостей. Ищи что-нибудь про УралСкай и Бабаджана.

Тонкие пальцы Марины забарабанили по экрану.

– Вот. «Внезапный сердечный приступ сразил Гендиректора УралСкай». Оно?

– Да-да-да! Дай глянуть.

Разложив чехол, Марина поставила планшет на стол, и они стали смотреть.

Вначале диктор в двух словах обрисовал предысторию с аварией лайнера СевЛайн и скачками котировок акций. Потом он сообщил о провале сделки по поглощению, вполне способному теперь привести к тому, что СевЛайн и УралСкай поменяются местами.

Краем глаза Павел заметил, как его дочь, изначально расслабленно наматывавшая прядь волос на палец, вдруг нахмурилась при упоминании об интенсивной перекупке акций неизвестными инвесторами.

А потом пошло видео с неудачной попыткой взять у Бабаджана злосчастное интервью. Камера тряслась и дергалась, как случалось всякий раз, когда ушлые журналисты с ТопРепорт лезли в самую гущу событий, где их никто особо не ждал. Но, тем не менее, было хорошо видно, как Даниэл резко побледнел, его глаза закатились, и он начал заваливаться на своего помощника. Начались крики и суматоха, но в какой-то момент все вдруг дружно присели и начали озираться по сторонам, прикрывая руками головы от неведомой угрозы. Камера начала вертеться и вовсе как ошпаренная, и тут Павел вдруг почувствовал, как Марина вздрогнула.

– Что такое? – он ткнул пальцем в экран, остановив воспроизведение.

– Там... мне показалось, что...

– Где? Покажи.

– Где-то здесь, – девушка отмотала ролик назад, – вот... черт!

Марине пришлось еще дважды возвращаться к нужному моменту, пока ей не удалось, наконец, остановить видео именно на том месте, что ее заинтересовало.

Мечущаяся по сторонам камера на миг выхватила из толпы фигуру в спортивной толстовке и натянутой на самые глаза бейсболке. В солидном бизнес-центре подобный гардероб смотрелся несколько странно, хотя вполне мог принадлежать кому-то из обслуживающего персонала. Но главным, что выделяло этого человека среди других, было другое. Небрежно привалившийся к одной из колонн и положивший руку на мраморные перила, он единственный среди суевающейся толпы выглядел спокойным и чуть ли не расслабленным.

У Павла нещадно засосало под ложечкой.

– А что случилось с этим, как его, – каким-то глухим, загробным голосом заговорила Марина, – с Бабаджаном?

– Он умер.

Марина медленно повернула голову и посмотрела на отца. Он посмотрел на нее. И в глазах напротив оба увидели страх.

От дружеского толчка в спину Рустам пролетел через весь кабинет и остановился, только врезавшись в тяжелый письменный стол.

– Уютненько тут у вас, – вошедший следом за ним невысокий, но массивный мужчина нарочито неспешно огляделся, – сразу видно – ребята не бедствуют.

– Не *бедствовали*, – поправил его Рустам, обходя стол, чтобы хоть чем-то отгородиться от надвигавшегося на него посетителя.

– Не может быть! – картинно удивился тот, – что же пошло не так?

– Только спокойно, ладно? Все еще можно исправить!

– Что, правда!? Отрадно слышать, – оппонент Рустама приблизился к столу, – и чего мы стоим? Исправляй уже!

Он оперся кулаками на столешницу и одним только взглядом вогнал Рустама в кресло.

– Все не так просто, – залепетал тот, устыдившись звуков собственного блеющего голоса.

Его взгляд никак не мог оторваться от мощных пальцев гостя, на фалангах которых проступали бледные пятна на местах выведенных татуировок. Рустам знал, что под дорогим костюмом скрывалась целая картинная галерея с куполами, крестами и прочими «знаками отличия», свидетельствующими о богатом прошлом ее носителя. В свое время тому хватило ума, чтобы вовремя соскочить с криминального поезда и переквалифицироваться в уважаемого бизнесмена... по крайней мере, попытаться. Соответствующие образу манеры и культурную речь ему удавалось соблюдать лишь до тех пор, пока что-нибудь не выводило его из себя, и тогда уж застарелые привычки раскрывались во всей красе.

– Пока не будет сформировано новое правление и выбран новый генеральный директор, доступ к финансам компании для меня закрыт.

– Но это же твоя проблема, верно? – на месте былых голд теперь красовалась белоснежная керамика, отчего ухмылка, обрамленная угловатой, словно вырубленной из скалы физиономией, выглядела еще более злоеющей, напоминая оскал акулы, – пока вы там будете портфели делить, ваши акции окончательно превратятся в туалетную бумагу. А я хочу свои бабки вернуть, так что ждать я не намерен.

– Да я рад бы, но сейчас... мммф!

Гость выбросил правую руку вперед, ухватил Рустама за шею и притянул к себе.

– Мне оправдания не нужны, мне нужны деньги! – он чуть сильнее сжал пальцы, и Рустам услышал, как хрустят его позвонки, – ты же умный, придумай что-нибудь. Деньги ведь не исчезают, они лишь меняют владельца – так найди их!

Последние слова словно дернули за какой-то тумблер у Рустама в голове, и его вдруг осенило!

– Я зна... знаю, где Ваши де... деньги! – прохрипел он.

– Где же?

– Это... Отпустите меня уже, а?

Вырвавшись из капкана, Рустам плюхнулся обратно в кресло, потирая ноющую шею. Что ни говори, а сильный стресс способен здорово стимулировать мыслительные процессы. Как он сразу не додумался до такого варианта.

– Я жду, – его собеседник, нависая над столом мрачной глыбой, демонстрировал явное нетерпение.

– Мои специалисты выяснили, кто именно перекупил акции СевЛайн в момент их максимального падения, чем сорвал нашу сделку. Это частное лицо, живет здесь, в Москве, – Рустам принялся рыться в грудах бумаг на столе, – у меня есть его адрес.

– А на кой черт он мне сдался?

– Он. Сорвал. Нашу. Сделку, – с расстановкой повторил он, словно втолковывая очевидную истину умственно отсталому ребенку, – и в последние несколько дней этот засранец активно скидывал акции обратно, а с учетом того, как они сейчас подскочили в цене, он очень неплохо на этих качелях разжился. По сути, он вытянул деньги у нас из карманов!

– И что он за фрукт?

– Ничего особенного, насколько я понимаю. Самый заурядный игрок на Форекс, которому просто чертовски повезло... Вот, нашел! – Рустам продемонстрировал слегка помятый исписанный лист бумаги, который его собеседник немедленно выхватил из его пальцев.

– Это я буду решать, кому тут повезло, а кому нет, – он быстро пробежал глазами по тексту, – данные точные?

– Мы все перепроверили, телефонные номера, IP-адрес, с которого он заходил на торги...

– Ты мне голову не морочь, ты мне просто скажи – да, значит да. А если что не так, то... ну ты понял.

– Все точно, – кивнул Рустам, наблюдая за тем, как сложенный листок скрывается в кармане пиджака.

– Тогда я пойду, потрясу немного эту яблоньку, – гость наставил на него указательный палец, – а ты пока далеко не уходи. На всякий случай.

Только когда дверь кабинета закрылась за угрюмым визитером, Рустам смог, наконец, перевести дух. Вот ведь влип! И чем он будет откупаться в следующий раз?

Правка чужих текстов – занятие не самое увлекательное, но, по крайней мере, помогающее отвлечься от тяжелых мыслей. И чем больше в материале ошибок и ляпов – тем лучше. Ты начинаешь чертыхаться, поминать недобрым словом Министерство образования и Болонскую систему, возводить многоэтажные проклятия в адрес тех, кто так и не научился правильно писать «-тся» и «-ться»...

Сигнал телефона оборвал Марину на середине очередного витиеватого ругательства. Бросив взгляд на экран, она увидела, что пришло уведомление из банка. Палец уже потянулся, чтобы привычным взмахом убрать сообщение, но в последний момент притормозил. Вместо привычного отчета об успешном автоплатеже, в заголовке речь шла о каком-то денежном переводе. Интересно, по какому поводу? Марина открыла сообщение...

Некоторое время у нее просто рябило в глазах от обилия цифр. Так. Спокойно. С смсками всякое бывает – то какие-то символы пропадают, то, наоборот, лишние влезут. Но ведь все легко проверить! Марина убрала в сторону текст, с которым работала, и зашла на сайт своего банка.

Цифры не изменились.

Несколько секунд, глядя на телефон, девушка раздумывала, какой номер ей вызвать, но всколыхнувшийся в душе недавний страх решил за нее.

– Алло, пап? Ты не сильно занят?

– Не особо, а что?

– У меня в школе по математике тройка был, помнится, не поможешь немного?

– Давай.

– Если в числе... ммм... шесть... семь... восемь цифр – то это сколько?

– Десятки миллионов.

– Оп-па! – и тут Марина ввернула такое словцо, что отец сразу сообразил – дело серьезно.

– Что случилось?

– Андрюшка мне на счет деньги перевел. Много, – Марина снова выругалась, – но зачем? И что мне теперь с ними делать? Чего ему от меня надо? Совсем уже умом двинулся...

– Это те самые, что он рассчитывал заработать на акциях СевЛайн?

– Откуда мне знать! Он же меня не предупредил, ничего не объяснил... Теперь что получается, что я тоже каким-то боком причастна к смерти того... как его... ну, директора УралСкай!? На кой черт мне такое счастье!?

Услышав, как предательски задрожал в трубке голос дочери, Павел поспешил ее успокоить.

– Мариш, только давай без резких движений, ладно? Я сейчас приеду, и мы вместе спокойно все обмозгуем. Ничего без меня не предпринимай, слышишь? Выпей чаю пока, а уже минут через двадцать буду, хорошо?

Раз уж стараниями Млечина «дело Андрея» у него теперь в приоритете, то остальная работа может и обождать.

Нельзя сказать, что пока Павел добирался до дома, Марина хоть как-то успокоилась. Судя по ее красным заплаканным глазам, девушка только-только раскошегарилась. А стоящая на столе початая бутылка свидетельствовала о том, что выпила она не только чаю.

– Так. Ладно. Давай по порядку, – он подсел рядом, надеясь своим спокойным деловым голосом вернуть дочь в равновесие, – что там за история с деньгами?

Вместо ответа Марина молча развернула к нему ноутбук с отчетом о текущем балансе вкладов. Красующееся в итоговой колонке число вполне могло повергнуть непривычного человека в ступор.

– Но ты же говорила, что...

– Пока ты ехал, он еще два перевода сделать успел, – пояснила Марина звенящим от злости голосом.

– И что, по-прежнему никаких объяснений?

– Он... он сказал... – нижняя губа девушки вновь начала предательски дрожать, – что это за мою заботу.

– Ты ему звонила?

– Да, – Марина кивнула, с трудом вытаскивая из себя слова, – я... я... не понимаю, что с ним происходит. Андрюшка *изменился*, стал другим. Я иногда его просто не узнаю, и это меня пугает.

– Что именно показалось тебе в нем странным? – Павел всегда предпочитал сухие факты расплывчатым личным впечатлениям.

– Ну как я тебе объясню!? Будто в его теле поселился кто-то другой – он иначе двигается, говорит не так, как обычно, – Марина вскинула голову, – вот раньше, например, он терпеть не мог, когда Везун... Денис коверкал слова и выражения, а теперь сам активно этим занимается – «не обращай значения», «не придавай внимания», «почему бы и да» и тому подобное. Фразы строит по-другому, обороты... Однажды я вообще слышала, как он с кем-то по-французски разговаривал! И это при том, что Андрюшка и с русским-то не особо в ладах был.

– По-французски!? – в голове у Павла полыхнули недавние слова Млечина, – но с кем он мог разговаривать?

– Не знаю, он по скайпу трепался. Насчет этого Форекса, будь он проклят! Из-за него он теперь все в деньгах измеряет!

– Так уж и все?

И тут Марина взорвалась.

– Я же не сиделка какая-то!!! Я ему памперсы меняла и дерьмо подтирала не ради денег!!! За кого он меня держит!? За девку продажную, что ли!?

– Тише, тише! – Павел даже растерялся, – ты ему пыталась это донести?

– Да!!! – выкрикнула его дочь с вызовом, – сказала, что не нуждаюсь в его подачках!

– Он что-нибудь объяснил?

– Говорит, что это вполне достаточная компенсация за мои хлопоты, представляешь!? И вообще, заявил, чтобы я держалась от него подальше! После стольких лет... после всего, через что мы вместе прошли... – Марина вскочила на ноги, едва не опрокинув стул, – я ему эти миллионы в задницу затолкаю!!! Сожрать заставлю!!!

– Эй, ты куда собралась?

– Куда, куда? Поеду к нему разбираться, поговорю по душам, вправлю мозги немного.

– В таком состоянии я тебя никуда не отпущу!

– Да? И каким же образом? – Марина плюхнулась на тумбочку и начала завязывать кроссовки, – я уже не маленькая девочка, как-никак.

– Но ты по-прежнему моя дочь!

– И что?

– Тебе же за руль сейчас нельзя! – Павел попытался воззвать к голосу разума, но тщетно.

– Плевать!

– Ладно, подожди минуту.

Он метнулся в свою комнату и, достав из оружейного сейфа кобуру с пистолетом, нацепил ее на пояс. Марина наблюдала за ним, чувствуя, как у нее внутри гнев постепенно сменяется нарастающей тревогой.

– По крайней мере, одну я тебя не отпущу, – Павел снял с вешалки куртку, – а моя машина как раз у подъезда стоит.

– А это... зачем? – девушка кивнула на кобуру.

– А затем, что Андрюхино предложение держаться от него подальше представляется мне очень даже здоровым.

Марина демонстративно села на заднее сиденье, давая понять, что к разговорам не расположена, и за всю дорогу, действительно, не произнесла ни слова. Одному Богу ведомо, какие мысли крутились у нее в голове, но на лице девушки застыло угрюмое выражение, не сулившее Андрею при встрече ничего хорошего.

Павла также терзали недобрые предчувствия. По собственному опыту он знал, что когда дело касается Больших Денег, неприятности мелкими не бывают. Тем более, что эти самые деньги уже стали причиной одной смерти, к которой Андрей так или иначе имеет отношение. Никаких доказательств или аргументов в подтверждение своих опасений Павел привести не мог, но его интуиция буквально вопила о том, что настоящие, серьезные неприятности только только начинаются.

Адрес был хорошо ему знаком, и только сворачивая во двор он уточнил:

– Какой подъезд?

– Второй, – буркнула Марина, не поворачивая головы.

Однако прямо напротив нужного подъезда расположился огромный черный «Мерседес», и Павлу пришлось буквально протискиваться мимо его лоснящегося полированного бока. Он проехал дальше и остановил машину, только свернув за угол. Где-то внутри у него зазвенел сигнал тревоги.

– Я же сказала – второй. Ты мимо проехал.

– Знаю. Сиди, не высывайся, – Павел поспешил одернуть дочь, уже потянувшуюся к двери, – этот черный «Мерс» часто тут у вас стоит?

– Впервые вижу, – Марина вывернула голову и посмотрела в заднее стекло.

– Понятно...

Павел достал телефон и набрал номер.

– Алло, Костя? Можешь для меня номер машины по базе пробить? – он продиктовал номер.

– ...кто? Спарк-Финанс? Солодовский, что ли? Вот дерьмо!

– ...так, понятно. А ты можешь выяснить, не связан ли он каким-нибудь образом с СевЛайн или УралСкай...? Да-да, все та же история.

– ...это точно? И что, сильно погорел? – услышав сумму, Павел снова выругался.

– Опергруппу? Нет, не надо... пока не надо. Если что – я тогда сам шефу доложу.

– Пап, что происходит? – Марина уже и думать забыла о своей обиде и раздражении на Андрея. Теперь, чувствуя, что дело принимает скверный оборот, она разволновалась уже не на шутку.

– Твой Андрей перешел дорогу весьма непростым людям, – Павел выбрался из машины и, обойдя ее, открыл багажник. Марина семенила следом, – он кинул на чашу весов крохотное рисовое зернышко, но тем самым привел движение такие силы, которые вполне могут перемолоть его самого в труху. А тут этот черный «Мерс»... я не верю в такие вот случайные совпадения, а потому вынужден предполагать самое плохое.

Из большой черной сумки Павел достал бронежилет и, сбросив куртку, надел его и начал застегивать.

– Что же делать? Что же делать? – миновав остановку «тревога», Марина полным ходом устремила к станции «паника».

– Что, что... надеяться на лучшее и готовиться к худшему, – Павел захлопнул багажник и посмотрел вперед, где за яркой зеленью кустов маячила черная машина, – мне понадобится твоя помощь.

– Какая именно? – шмыгнув носом, девушка предприняла отчаянную попытку сосредоточиться.

– В той машине остался водитель, который присматривает за входом в подъезд. Я не смогу прокрасться туда незаметно, тебе придется его отвлечь.

– Каким образом?

– Подойди к нему со стороны двора, чтобы ему пришлось отвернуться, и спроси какую-нибудь ерунду. Номер дома или еще что... – Павел критически осмотрел дочь, ее красные глаза, хлюпающий нос, и у него родилась идея, – знаешь, с твоим унылым видом будет смотреться более естественно, если ты начнешь его расспрашивать о потерявшейся собачке. Попричитай немного, попытайся показать ему ее фото в телефоне...

– Но у меня в телефоне нет фотографий с собаками, – возразила Марина, – только котики...

– Это не принципиально, твоя задача – отвлечь внимание водителя и выиграть для меня время.

– Я даже не знаю...

– Давай, соберись! – Павел взял ее за плечо и крепко встряхнул, – в школе же ты в драмкружке выступала – и здесь справишься. Тебе надо продержаться всего несколько секунд, а зависит от них очень многое, возможно, даже чья-то жизнь.

– Ну спасибо! – фыркнула девушка, – у меня и так уже поджилки трясутся, а тут еще ты со своим жизнеутверждающим оптимизмом!

– Не дрейфь! Мне тоже не по себе, но здесь и сейчас Андрею кроме нас помочь некому. Так что давай, вперед! Быстренько запрыгивай в образ и запудри этому водиле мозги. Я же знаю, что ты это умеешь!

Еще раз фыркнув, девушка зашагала по переулку, заглядывая по ходу под все припаркованные машины и кого-то окликавая. Суть своей роли она ухватила отлично.

Павел подождал, пока дочь подойдет к черной машине, после чего осторожно двинулся вперед сам, стараясь держаться в слепой зоне водителя. Он видел, как тот опустил правое боковое стекло, чтобы выяснить, что ищет под его Мерседесом юная незнакомка. Отлично! Как раз то, что нужно! Достаточно буквально двух-трех секунд, чтобы...

Но в следующее мгновение ситуация внезапно решила наплевать на сценарий. Водитель зашевелился и, к ужасу Павла, открыл дверь, намереваясь выйти из машины. Времени на раздумья не оставалось, и Павел немедленно перешел к «плану Б». Не успев и глазом моргнуть, водитель вдруг обнаружил, что упирается носом в крышу собственной машины, а затылок ему неприятно холодит что-то металлическое. Хорошо знакомый сухой щелчок снятого предохранителя заставил его замереть.

– Вот и умница! Веди себя хорошо, и машину не придется гнать на мойку. Руки на крышу! – Павел быстро оцупал своего пленника, но никакого оружия не нашел, – к кому и зачем приехал Солодовский?

– Не твоего ума дело! Какого черта тут происходит!?! Ты кто такой, вообще!?

– Закон и порядок. Бляху потом покажу, – Павлу оставалось лишь надеяться, что его самоуправство окажется не напрасным, и что Млечин сумеет оградить его от неизбежных проблем, связанных с такими вольностями, – давай сюда руку...

Судя по всему, контракт несчастного водителя не предусматривал глупого геройства и бессмысленного самопожертвования, а потому еще через несколько секунд он со скованными за спиной руками уже лежал на полу между сиденьями. Захлопнув дверь, Павел нос к носу столкнулся с Мариной.

– Пап, ты же говорил, что только прошмыгнешь в подъезд и все! Зачем рукоприкладство-то устраивать!?

– Потом извинюсь. Почему он вдруг из машины полез? Что ты ему там наплела?

– Да ничего особенного, – девушка пожалала плечами, – он помочь хотел, наверное.

– Ладно, шут с ним, в следующий раз дозируй свое обаяние более аккуратно.

– Ну что, пошли?

– Стоп-стоп-стоп! – Павел поспешно поймал за рукав уже шагнувшую к подъезду дочь, – ты никуда со мной не пойдешь, а вернешься в машину и будешь там меня ждать. Понятно?

– Это что еще за новость!?! Я, знаешь ли...

– Так, хватит! Обсуждать с тобой сейчас я ничего не буду! Так что выбирай – или ты делаешь так, как я сказал, или я и тебя браслетами прикую.

– Но... – сообразив, что отец настроен более чем серьезно, Марина сбавила темп, – почему? Что случилось-то?

– Когда в одном месте сталкиваются Большие Деньги и Тимур Солодовский, то ничем хорошим это обычно не заканчивается. У него крайне своеобразная манера вести деловые переговоры – после них люди или остаются инвалидами или вообще бесследно исчезают. Так что игры закончились. Иди в машину. Все.

– Там же Андрюшка... – девушка пошатнулась, и Павлу пришлось подхватить ее под руку.

– Именно поэтому мы должны действовать быстро. Тут, конечно, не помешал бы отряд СОБРа, но на счету каждая минута, так что я пойду сам. А ты будешь меня ждать в машине. Понятно?

– Да-да, хорошо, – уже готовая разревется Марина затрясла головой.

– Тогда... стоп, у тебя ключи от Андрюхиной квартиры есть? Давай сюда. Этаж? Номер квартиры? Теперь иди, – Павел развернул дочь в нужном направлении и слегка подтолкнул в спину, – не волнуйся, все будет хорошо.

Проводив дочь взглядом и убедившись, что она послушно забралась в машину, он вздохнул и направился к подъезду. Его не покидало ощущение, что он только что, скрутив, возможно, ни в чем не повинного водителя, перешел некий Рубикон, за которым уже нет возможности остановиться и отыграть все назад, будто ничего и не было. Единственное, что остается в такой ситуации – продолжать грести дальше, чтобы закручивающийся на глазах водоворот событий не утащил тебя на дно. Бежать и не останавливаться. Павел понимал, что теперь все

его дальнейшие слова и действия будут определяться именно этой логикой, и его личные желания или стремления более не играют никакой роли. Бежать и не останавливаться, пока не придешь к финалу, каким бы он ни был.

«Все будет хорошо»... Тьфу! Даже такая мелкая и банальная ложь оставляла на языке горький привкус. Павел прекрасно понимал, что дела уже обстоят хуже некуда, и дальше все будет только усугубляться.

Дабы не создавать лишнего шума и не выдать своего приближения, он не стал вызывать лифт и побежал по лестнице. Не дойдя пары пролетов, Павел остановился и прислушался, но все заглушал стук крови в ушах. А казалось бы – всего-то шестой этаж! Где твои семнадцать лет... м-да.

Все выглядело тихо и мирно, и Павел на цыпочках пошел дальше. На лестничной клетке никого не было, и он осторожно толкнул пальцем дверь квартирного холла, мысленно молясь, чтобы она не скрипнула.

Первым, что он почувствовал, был запах. Солодовский славился своим пристрастием к дорогим сигарам, а также тем, что любил в качестве пепельницы использовать глаза своих оппонентов. И теперь пряный сигарный аромат заставил сердце в груди у Павла колотиться еще чаще. С подозрениями и догадками можно было заканчивать – все обстояло именно так, как он и опасался. Стараясь даже не дышать и внимательно глядя себе под ноги с тем, чтобы не наступить ненароком на расшатанную плитку кафеля, Павел двинулся вперед. Его правая рука легла на кобуру.

Дверь в квартиру Андрея оказалась заперта, и из-за нее доносились приглушенные голоса. Приложив к ней ухо, Павел попытался разобрать, сколько человек участвует в разговоре, и о чем идет речь, но вдруг он услышал глухой удар, за которым последовал полный боли крик, резко оборвавшийся, превратившись в неразборчивое мычание. Павел узнал голос Андрея, и все его тело покрылось неприятными мурашками. Вот теперь точно – хуже уже некуда.

Он тихонько вернулся на лестничную клетку и достал телефон. Иногда даже самоуправство требует санкции вышестоящего начальства.

Доклад не занял много времени, поскольку все причастные были в курсе финансовых проблем руководства СевЛайн и его взаимоотношений с Солодовским, а уж его репутация в дополнительных комментариях и вовсе не нуждалась. Разногласия возникли только в вопросе дальнейших действий, и тут Павлу пришлось нелегко, поскольку крайне сложно убедительно отстаивать свою позицию, когда разговаривать приходится исключительно шепотом.

– Ты же прекрасно знаешь, что Солод из Андрюхи мешок с фаршем сделает! Ему много времени для этого не нужно – пока опергруппа будет сюда добираться, он его уже оприходует и смоеся.

– А что ты там в одиночку сделать сможешь? Он ведь там с охраной, небось.

– Да хоть что-нибудь! – Павел скрипнул зубами, – достаточно Солода ненадолго отвлечь, чтобы спасти Андрюхе жизнь!

– А твою жизнь потом кто спасать будет?

– Какая к черту разница! Сейчас речь не об этом!

– Речь о том, что ты и сам угробишься, и парня не спасешь – уж тогда-то Солод его точно прикончит. Еще ты же и виноват в итоге окажешься.

– У тебя есть предложения получше?

– Дождаться опергруппы.

– Вот только Солод ее дожидаться вряд ли будет – выпотрошит человека и свалит. А потом ты его уже не прищучишь, не в первый раз все-таки.

– Твое самопожертвование тут не поможет, он выкрутится в любом случае.

– Но так у Андрюхи хотя бы будет шанс!

– Черт... Я так понимаю, что ты пойдешь туда в любом случае, и отговаривать тебе бесполезно.

– Да.

– И приказать я тебе не могу, тем более что в последнее время тебе приказы больше Млечин отдает, а не я.

– Только не думай, что мне самому это нравится.

– Тогда знаешь что, – собеседник Павла вдруг замялся, – помнишь, мы как-то с месяц назад сидели и обсуждали очередную выходку Солода, и кто-то обронил, что, представься ему шанс, то он бы... он бы им воспользовался. Помнишь?

– М-м-м... помню, – подобного поворота Павел не ожидал.

– Я не могу тут особо распространяться, но если тебе такой шанс представится – не упусти его.

Дополнительных разъяснений не требовалось. Павел спрятал телефон в карман и вынул из кобуры пистолет. Имея дело с Солодовским, без такого весомого аргумента не обойтись. Он взвел курок и шагнул обратно в холл.

К его возвращению дискуссия по ту сторону запертой двери шла уже на повышенных тонах. Что ж, тем больше у него шансов остаться незамеченным, открывая замок. Насколько Павел мог судить, его конструкция позволяла проделать это, не создавая особо громкого лязга. Главное – действовать крайне медленно и аккуратно.

Павел осторожно вставил ключ в скважину и на секунду замер, собираясь с духом. Потом обратного пути уже точно не будет. Но тут послышался очередной удар, сопровождаемый сдавленным криком, и он, воспользовавшись моментом, резко крутанул ключ и толкнул дверь плечом. Павел влетел в квартиру, на ходу оценивая ее планировку. Так, кухня направо, комната Андрея прямо – вперед!

На его пути возникла широченная спина телохранителя, который только начинал разворачиваться, но так и не успел закончить свой маневр. Рукоять пистолета врезалась в его висок, отправив охранника в нокаут. Но, даже отключившись, тот отказался сразу рухнуть на пол, вместо этого сперва завалившись на шкаф, потом на стол, и только затем неспешно сполз с него и, наконец, успокоился на потертом ковре.

И этих нескольких секунд Солодовскому хватило, чтобы прыгнуть за стул с привязанным к нему Андреем и укрыться за ним, прижимая нож к горлу парня.

Андрей выглядел ужасно. Павел даже не сразу его узнал. Казалось, что на его покрытом кровавой коркой лице вообще не осталось ни одного живого места, а безвольно свисающие окровавленные пальцы говорили о том, что в них не осталось ни одной целой кости. Даже выпытав у своей жертвы все, что он хотел, Солодовский, как правило, не останавливался и терзал несчастного дальше. Просто ради удовольствия. После такого изуверства даже смерть воспринималась как избавление.

– Полиция! Брось нож и отойди назад! – рявкнул Павел, надеясь, что его внезапное появление, плюс решительность и нахрап заставят Солодовского отступить.

Однако расчет не оправдался, его противник был слеплен не из того теста, чтобы теряться при первом же резком окрике. Он присел на корточки, полностью скрывшись за спиной Андрея и оставив на виду только сжимающую нож руку.

– Слышь, начальник, а давай-ка наоборот, а? – происходящее, казалось, его даже забавляло, – спрячь свою пушку и вали отсюда подобра-поздорову. А то у меня с утра руки трясутся, и я могу мальчишку поцарапать ненароком. Ой!

Солодовский слегка шевельнул ножом, и по шее Андрея заскользила алая струйка. Павел мысленно выругался. При том извращенном чувстве юмора, что было присуще Солоду, любая его шутка могла обернуться чьим-нибудь трупом.

– Еще раз так сделаешь – и тебе уже никакие адвокаты не помогут!

– Что, правда!? Надо проверить – ой! Ой! – Андрей дернулся и зашипел, когда из-под ножа Солодовского побежал очередной кровавый ручеек, – а если ты не уберешься отсюда через три секунды, то мальчишке уже не помогут никакие айболиты! Я считаю – три!

От голоса Солодовского, непринужденного и даже веселого, у Павла буквально внутренности узлом завязывались. Будто кто-то возил гвоздем по стеклу. Этот засранец представлял собой законченного психопата, ни в грош не ставившего ни свою собственную жизнь, ни, тем более, жизнь чужую. Тянувшийся за ним след насчитывал уже более десятка покойников, но ни один суд так и не смог пришить ему их убийство – извращенная гениальность Солодовского позволяла ему раз за разом выходить сухим из воды. Да и адвокатов он нанимал всегда первоклассных – таких, что самого черта добела отмоют. Так что, когда он угрожал прирезать Андрея, в его словах не было и грамма блефа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.